

Volume 16
№ 1 (54) 2020

Научно-правовое издание

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – Р. В. ЕНГИБАРЯН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Франческо Адорнато – профессор, ректор Университета г. Мачерата, Италия

Алексеева Т.А. – заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Амплеева Т.Ю. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук, Россия

Фабрицио Д'Ашенцо – профессор, проректор Римского Университета Сапиенца, Италия

Ван Чэньсин – научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, программный менеджер Всекитайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китай

Гаман-Голутвина О.В. – заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор

Гао Ченг – профессор, главный редактор, журнал современных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, Китай

Грибанов Д.В. – доктор юридических наук, доцент, проректор по учебной работе Уральского государственного юридического университета, Россия

Проф. доктор Стивен Гуанпенг Донг – Китайский Университет связей с общественностью, декан факультета непрерывного образования, профессор в сфере коммуникаций и лидерства, Национальная школа управления, Китай

Эмилианидис Ахилл – профессор, декан юридического факультета Университета Никосии, Кипр

Енгибарян Р.В. – научный руководитель факультета управления и политики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Ендольцева А.В. – профессор кафедры правовых основ управления, доктор юридических наук, профессор, Россия

Йе Хайлинь – профессор, руководитель исследований Южной Азии, Национальный институт международной стратегии, Китайская академия общественных наук, Китай

Камолов С.Г. – заведующий кафедрой государственного управления МГИМО МИД России, кандидат экономических наук, доцент, Россия

Краснов Ю.К. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук и доктор исторических наук, Россия

Хосе А. Моранде Лавин – Директор института международных исследований Университета Чили, Чили

Лебедева М.М. – заведующий кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Россия

Мальгин А.В. – проректор по общим вопросам МГИМО МИД России, кандидат политических наук, доцент, Россия

Доктор Душан Павлович – факультет политических наук Белградского университета, Сербия

Потьер Андре Тимоти – профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, Ph.D., Россия

Сардарян Г.Т. – декан факультета управления и политики, кандидат политических наук, Россия

Субочев В.В. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, академик РАН, Россия

Тяги Парул – преподаватель кафедры бизнеса и менеджмента Джайпурского национального университета, Ph.D. (менеджмент), Джайпур, Индия

Доктор Герхард Шнайдер – Королевский колледж Лондона, факультет менеджмента и бизнеса, Ph.D. in Political Science, Великобритания

Энтин М.Л. – заведующий кафедрой европейского права МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ – В.Э. БЕРЕЗКО

корректор – Т.М. Срапян

компьютерная верстка – Д.Е. Волков

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

3 Чулуунбаатар Гелегпил, Хатанболд Оидов,
А.С. Железняков

Философские и методологические вопросы исследования монгольской цивилизации в многополярном мире

14 Т.А. Алексеева, А.П. Минеев

Натурализм и политическая наука: адаптация к неклассической картине мира

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

28 О.В. Гликман, А.У. Назарова

Международно-правовые основы энергетического сотрудничества государств - членов Евразийского экономического союза

36 Е.А. Войтович

Конституционно-правовые основы порядка формирования Сената Австралийского Союза

УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ

И ПЕРСПЕКТИВЫ

42 И.В. Бахлов, О.В. Бахлова

Этнополитические вызовы: отражение в теоретическом дискурсе и инструментарии государственной национальной политики

51 А.Н. Линде

Сравнительный анализ кейсов технократического государственного управления и делиберативно-демократического самоуправления в интернет-сфере

The founder: Federal State Autonomous Higher Education Institution
"Moscow State Institute of International Relations (University) under the
Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation"

CHAIRPERSON OF THE EDITORIAL BOARD,
EDITOR-IN CHIEF – R. YENGIBARYAN

EDITORIAL BOARD:

Francesco Adornato – Professor, Rector, University of Macerata, Italy
Tatyana A. Alekseyeva – Head of the Department of Political Theory, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Tatyana Yu. Ampleeva – Professor of the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Russia
Fabrizio D'Ascenzo – Professor, Vice-Rector, Sapienza University of Rome, Italy
Wang Chenxing – Ph.D, Assistant Professor (Research Fellow) of Institute of Russia, East Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences; Program Manager of Chinese Association for Russian, East European and Central Asian Studies, China
Oksana V. Gaman-Golutvina – Head of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Gao Cheng – Professor, Executive chief editor, Journal of Contemporary Studies of Asia and Pacific, China
Dmitry V. Gribanov – Doctor of Law, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Ural State Law University, Russia
Prof. Dr. Stephen Guangpeng Dong – China University of Public Relations, Dean of the Faculty of Continuing Education, Professor in Communication and Leadership, National School of Management, China
Achilles C. Emilianides – Professor, Dean School of Law, University of Nicosia, Cyprus
Robert V. Yengibaryan – Academic Director of the Faculty of Administration and Politics, Doctor of Law, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Alla V. Yendoltseva – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, Doctor of Law, Professor, Russia
Ye Hailin – Professor, Editorial chief of South Asia Studies, National Institute of International Strategy, Chinese Academy of Social Sciences, China
Sergei G. Kamolov – Head of the Department of Public Administration, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, PhD in Economics, Associate Professor, Russia
Yu. K. Krasnov – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Russia
Jose A. Morande Lavin – Director of Institute of International Studies, University of Chile, Chile
Marina M. Lebedeva – Head of the Department of World Political Processes, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Artem V. Malgin – Vice-Rector for General Issues, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russia
Dušan Pavlović – Associate Professor, Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Serbia
Potier André Timothy – Professor with the Department of International Law, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D., Russia
Henry T. Sardaryan – Dean of the Faculty of Administration and Politics, Candidate of Political Sciences, Russia
Vitaly V. Subochev – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
Anatoly V. Torkunov – Rector of MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Academician with the Russian Academy of Sciences, Russia
Tyagi Parul – Jaipur National University, Lecturer of the Chair "Business and Management", Ph.D. (Management), India
Dr. Gerhard Schnyder – Royal College of London, Faculty of Management and Business, Ph.D. In Political Science, United Kingdom
Mark L. Entin – Head of the Department of European Law, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
EXECUTIVE SECRETARY – Vladimir E. Berezko
Proofreading – **Tamara M. Shrapyan**
Computer layout – **Dmitry E. Volkov**

CONTENTS

THE TOPICAL ISSUES OF INTERNATIONAL RELATIONS

- 3 **Chuluunbaatar Geleppil, Khatanbold Oidov, Aleksandr S. Zhelezniakov**

The philosophical and methodological issues of Mongolia's civilization in the multi-polar world

- 14 **Tatiana A. Alekseeva, Aleksandr P. Mineyev**
Naturalism and political science: adaptation to the non-classical world picture

LAW IN THE PRESENT-DAY WORLD

- 28 **Olga V. Glikman, Aziza U. Nazarova**
International legal framework for energy cooperation between the member states of the Eurasian Economic Union

- 36 **Elena A. Voytovich**
Constitutional and legal bases for the formation of the Senate of the Australian Commonwealth

ADMINISTRATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

- 42 **Igor V. Bakhlov, Olga V. Bakhlova**
Ethno-political challenges: reflection in the theoretical discourse and tools of state national policy
- 51 **Andrey N. Linde**
Comparative analysis of the technocratic governance cases and deliberative-democratic self-rule in the internet-sphere

Журнал «Право и управление. XXI век» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С сетевым изданием «Право и управление. XXI век.

Электронное издание» можно ознакомиться по адресу: www.mgimopravo.elpub.ru
www.pravo.mgimo.ru

The "Journal of Law and Administration" journal is included in the List of the reviewed scientific editions which publish the major research results of doctorate and candidate of science degree dissertations.

The Internet edition of the "Journal of Law and Administration" is available at: www.mgimopravo.elpub.ru
www.pravo.mgimo.ru

THE PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES OF MONGOLIA'S CIVILIZATION IN THE MULTI-POLAR WORLD

*Chuluunbaatar Geleqpil**

*Khatanbold Oidov***

*Aleksandr S. Zhelezniakov****

DOI 10.24833/2073-8420-2020-1-54-3-13

Introduction. The article is devoted to the evaluation of topical ideas of Inner Asia civilization in the multi-polar world. Without doubt, in contemporary global world it is essential for each country to creatively explore ideas and scientific civilizational theories to define its place in modern global community. Today the Mongols actively explore

these theories and doctrines which have linkage to Western origin, but the research deserves a creative approach and does not fit properly the national reality and specifics.

Material and methods. To define the specific features of Mongolian civilization the authors study philosophical doctrines of existence in harmony, doctrine of duality, time, Buddhism – all the ideas that influenced the Mongolian views on “nation” and “democracy”, historical lessons and geopolitics.

Results. At present Mongolia has a tough choice in pursuing foreign policy. Three main world development centers- the USA, China and Russia- have emerged and the threat of a potential conflict between them have increased. It is apparent that this process in the future will strongly influence the present and further development of

* **Chuluunbaatar Geleqpil**, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, First Vice-president of the Mongolian Academy of Sciences, Ulan-Bator, Mongolia
e-mail: chuluunbaatargeleqpil@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7135-535X

** **Khatanbold Oidov**, Ph.D, Senior Researcher, Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences, Ulan-Bator, Mongolia
e-mail: khatanboldo@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7867-6850

*** **Aleksandr S. Zhelezniakov**, Doctor of Sciences (Political Science), Deputy Director, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Principal Researcher, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: zhelezniakovas@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-6477-6161

each region and country in the world. Thus the fundamental issues concerning the methodological approach in development philosophy as well as in civilizational philosophy appeared alongside the changes in world situation. The issue of national identity should not be excluded from the political agenda as well as historical and development issues from policy analysis.

Discussion and Conclusions. Mongolia in respect to its geographical location belongs to the Asia-Pacific region. In the civilizational aspect Mongols are nomadic nation. These two factors are fundamental conditions for the shaping of national identity. In context of civilizational affinity and national identity Mongols are more close to the Central Asian space. In this area such regional organizations as the Shanghai Cooperation Organization and APEC operate. However, Mongolia is not a member of these organizations and cannot efficiently participate in big regional and world projects and programs having the status of observer. Hence the membership in these regional organizations and the significant economic growth are strategically important for Mongolia.

Introduction

Within framework of fundamental issues of development philosophy there is an acute need to arrange basic ideas related to *methodology of Mongolian philosophy of development policy*. Any/every nation or ethnos in order to survive and develop as a state formation should inherit the fundamental philosophical and spiritual ideas and principles for their existence. However, it is not easy to provide with universal answer what kind this national idea would be, due to different social, historical and economic context of individual country. Moreover, at present the issue agenda is different for big world superpowers which are defining world policy in comparison with small states and ethnos which are hardly trying to survive in whirl of globalization.

Such factors that Mongolia is the sparsely populated country with the extensive territory, rich in the minerals what is causing interest in foreigners, prevalence of a nomadic civilization - all of them in a complex create a *favorable background for formation of philosophy of national development*. Mongols should not forget that their country was determining some time away not only the history of the region but also world history by dominating on most than half of world, however it is also worth to be aware of changed circumstances of modern world. Without doubt, in contemporary global world for each country is essential to explore creatively ideas and scientific theories to define a common approach to trends of development in modern global community. Today Mongols enough suf-

ficiently explore these theories and doctrines which have linkage to Western origin, but the research deserves a creative approach and does not fit properly to national reality and specifics. The conscious respond perception of national legacy, traditions and present situation is indispensable for further evolution of development philosophy. Indeed, search for clues from the past is the most beneficial for philosophy of national development.

Study

Doctrine on two beginnings and existence in harmony

Based on historical sources and philosophical reflection of the views and ideas of scientists spiritual the idea of Mongolian national identity and the most fundamental base that defines the philosophy of development, is a religious-philosophical concept of 'Tenger' (Heaven) and 'Gazar' (Earth) as *the only dual beginnings* of everything in the Universe. It perhaps be was caused by the fact that Mongolian philosophy, social thought and national intellectual identity were developed from the concept that everything in the Universe was created by two beginnings and exists in harmony.

Recent years the research interest into study of Tengerism is steadily increasing. A comparative analysis of research and ideas provides with the following main approaches. First of all, it is common enough an approach that has the following interpretation of '... Tengerism as an advanced idea of Hunnu's shamanist world-view' [26. P. 42]. Also, belief in Heaven was

the supreme worship of Mongols since Hunnu times and the main symbol of statehood passing through many generations [14. P. 180, 240, 286; 23. P. 15]. In other historical sources is reflected the idea that "The sky is the male beginning of life and Earth is female beginning giving to life the form" [26. P. 39]. The similar idea in various variations is mentioned in works of many researchers.

Particularly, there are many attempts to explain in terms of philosophy that for Mongols the Sky is not only belief in the nature, a simple fetish of Shamanism, but a reflection of unity of the Universe, coherent unity of a body and soul [12. P. 153-170], a big achievement of abstract thinking and abstract category of the highest worship of Mongols [2. P. 53], interrelation of universal qualities of the sky [15. P. 129] and a tengerism as a broader justification of dualism of the sky and earth [22. P. 38]. Also is interesting prof. A.S. Zhelezniakov's concept "tengrian-buddhist universe" in relation to area of ancestors of Inner Asian nomadic empire and its unique center of Mongolian civilization [24. P. 13]. The idea of Mongolian civilization was developed in further monograph of A.S. Zhelezniakov [25] and in works of his scientific team [10; 20].

The core of all above-mentioned statements has different foundations, but it is likely a hypothetical discourse mostly based on Secret history of Mongols and, monuments, art, archeological artifacts and other historical texts and myths. However, the Mongols' view of sky (Tenger) in terms of Western philosophy is a unique philosophic epistemological and ontological category of substantial character and transcendental nature with. There are a lot of elements of esoteric in view and assumptions of Mongols of the Tenger. Because study of Tengerism is a separate issue from my study I omit it now. In Buddhist or Oriental concept of dual nature of everything (dual beginning, dual quality of things, etc.) have common origin but is interpreted in different ways. It is natural for persons familiar to philosophy of mediation of ancient Indian Ebam, Chinese yin and yang principles, and Mongolian arga-bilig principle.

Considering these ideas there is a need for further study of the issue. This study can be a hard work required new solutions, based on documents and data in order to understand how to interpret it.

The doctrine of duality

The thinking explaining the phenomena with interference of two things/principles in process of development of the Mongolian statehood has developed in *doctrine of duality* about

close interrelation of the state matters and the religious doctrine. Doctrine of duality is stated the most systematically in historical treatise "White history of 10 virtuous doctrines/teachings of four states" (Dürvün türijn arvan buyant nomyn Tsagaan tüüh), which is a suite of teachings, decrees and laws related to history of Mongolian statehood. It is an issue about resemblance of idea of duality about interrelation of statehood and religion with Western /Occident Theocratic.

Great thinker G.W.F. Hegel once said that "... the history began by establishment of the Theocratic state rule/governance in China and Mongolia." Our researchers often make reference to that statement. In doing so, they usually focus on role of the nomadic state played in world politics. Indeed, oriental concept of duality and western concept of theocratic are not the same. Hegel interpreted our idea of God's governance as theocratic on the basis of some similarities in form [8]. Therefore, there is necessary some explanation. *First*, in Western tradition idea on dual beginning, mutual relation is not common, *second*, western common philosophical and religious traditions are different in comparison with our shamanist and Buddhist, *third*, according Western tradition theocratic concentrates state and religious power, while in our case state and religious deeds are built on equal base and mutually interrelated. In general, religion and science are difficult to distinguish, but they exist independently in cognitive and intellectual world. Brochure "Spiritual cognition" published in 2011 by Institute of philosophy, sociology and law covered a range of mentioned issues. In Introduction to this book I wrote: "Specific paradigm of the modern era is overcome the established concept separating the cognition on the theoretical and practical, and the proof of the *existence of spiritual knowledge* that is in the relationship of pure theory and rational action, or knowledge of Arga Bilig. Introducing new concepts such as "gots chinar (phenomena) and "oyun setgekhu" (spiritual thinking) while keep using hermeneutic and phenomenological methods is considered as a merit of this work [18. P. 5].

Doctrine of time

Mongols are expressing *time, dimensions (scale)* and *harmony* refers to state policy and every life phenomenon by category of "Tsag" (time). In Mongolian history, literature and works of wise men the category has been used as "Heaven time", "time of distress" (hard times) or "will of time". In the case of "Heaven time" and "time command" assessment of historical situation dominates, while expression "Hard

times" refers to critical assessment of crisis in society and drastic social changes (revolution etc.).

Mongolian thinkers diagnosed the reasons and conditions of "heavy time" when a hard blow has been struck to traditions of statehood, the state has weakened and the life of people has worsened. So, as an example, let me state words of the prominent Mongolian philosopher, religious figure and the politician Dandar agramba. He, Shadavdandararamba (1835-1915) in work "Diamond's fire spark comment on poisonous sting events of hard times" wrote: "...current khans and lamas *without knowledge of public and religious affairs* have stepped on the head to mankind, and *their greed and cunning have destroyed all virtues*. Broken a religious vow, the liars who have made cunning the main thing and their followers... feudal lords and officials are the villains have destroyed everything good" [16, p. 363]. Here the expression '*...without knowledge of public and religious affairs*' points out on main reason of hard time of state-loss of duality principle. To summarize above mentioned, it would be useful to carry out a reflection of the events which are taking place at us today. But at the same time, it is necessary to remember the meaning of "hard times" which means to remember the past and to be careful of new.

Mongolian Buddhism and teaching of the Middle way

For a very long time Buddhism as the national mainstream religion spread Mongolia and "Mongolian Buddhism" [13, p. 51] in terms of Mongolian philosophical thinking became the main intellectual source of national intellectual identity. Buddhist philosophy of the *Middle way* (*Madhyamaka*) or the concept of emptiness (*śūnyatā*) is closely linked to history of our statehood. Philosophy of *Madhyamaka* denies bias view about eternal existence of things or their non-existence and claims that things ultimately either exist or do not exist. This doctrine has deeply penetrated into Mongolian social thinking, intellect and morality of Mongol man and was studied in numerous works of Mongolian scholars.

However, professor B. Dash-Yondon has offered very interesting and uncommon explanation. *Madhyamaka* does not mean to look for balance between «good and evil» in order to adhere the golden mean. Otherwise, it means to be forced out from both sides. The golden mean leads to psychological discomfort/conflict. Thus, the middle way is above both - «good and evil». These two «parts» are necessary to consider identical. «Good» is not entire good and «good and evil» is not entire evil. Indeed, one cannot be without another. There is no reason to give more preference to one of them. Therefore,

there is no necessity to distinguish two things as positive and negative. These two words are conditional categories (terms).

It is not possible to talk about elimination of one part, because elimination of one part means elimination of the whole. Doctrine of conflict between two parts leads to intellectual violence/coercion on phenomena or things. Teaching of the Middle way does not deal with protection of one part, does not patronage them, but it is «above them». By this B. Dash-Yondon try a new, original interpretation making an assumption that «the Middle way teaching is based on very deep wisdom and compassion» [6]. Fundamental feature of Mongol's way of thinking is based on the Middle way teaching, and this becomes a basis of national identity.

If in philosophy, and generally in thinking, prevails tendency to the conflict and confrontation, but not to harmony, thus among thinkers, politicians and the public «the number of those who are desperately rushing between two extremes» (Karl Marx) will increase. Within the last century our philosophical science, state policy and mentality of Mongols have got into a similar situation.

So, in the 20th century the naive perception of Marxism and blind imitation of the Russian experience has dominated. On the contrary, now the Western liberal and neoliberal ideas, their simplified interpretation began to be praised. In such hard times it is necessary to be free from bias to one idea and search for right balance between different opinions.

Results

Respect for state, oath to a comradeship, unity

Respect for State as Heaven (sky) father and respect for people as a respect for mother, obedience to the rule of law and decrees, understanding and dealing in concordance with the traditions, partnership and comradeship, fidelity to the oath are one of the basic factors of authentic national identity of Mongols. Hence it seems unacceptable to apply criteria of western political science to traditional Mongolian judicial system and conclude that it is obsolete and backward instead looking for analogy between traditions of Mongolian judicial system and contemporary concepts of rule of law and constitutional state. Mongols, having received a historical lesson that internal disagreements and division lead to decline, are the people *respecting harmony and unity*. Tradition of this mentality and actions are serving as one of the main factors of national identity of modern Mongols.

Nationalism and democracy

The fundamental feature of Mongolian national identity is *nationalism*, because Mongolia during many centuries was in the center of big nations' interest. Generally, two inseparable characteristics determine nationalism: one is perception of affiliation to the nation and another is sense of patriotism. Mongols could combine these two features to the right degree.

In terms of philosophy the democracy is the inherent attribute of the existence and of socialization of any people, regardless their nationality. At practical level, it means collective discussion, collective decision and joint implementation of it. In this sense this phenomenon is historical tradition for Mongols. Today there is a desperate demand for consolidation of democracy in Mongolia.

Professor Dash-Yondon B, stated about interrelation of national and democratic conceptions the following: "Concept of national democracy is not invented by someone at all; it is reflection of the concept of national development, its perspectives in terms of national interest". He noted that democratic and nationalist concepts are different in itself, however along with underlining of their unity in a national context he notes that at the same time the nationalism answers national specifics, while the democratic concept answers historical necessity of democratization of society [6]. So, modern Mongols could give a preference to concept of national democracy. In a modern situation, when ideologies of different origin widely extend in society, bringing a split in public opinion, the need for the capable to unite national-democratic ideology increases.

Naturally, there is a question as far as the modern model of democracy is fit to Asian countries in the context of democratic globalization. Arthur Schlesinger said: «*Europe is a unique source of individual freedom, political democracy, and rule of law, human rights and cultural freedom. ... These are the only idea of the Europe, not of Asia, Africa or the Middle East. Others have just adopted it*» [9. P. 6]. Thus, to limit the idea of freedom only by European continent at least means to diminish the value of freedom as well as to discriminate people by nationality. But it would more proper to discourse about freedom in context of basics of democracy and measure of its value. Professor Samuel Huntington has raised a contradictory question: «*To which extent modern democracy as the western product will spread in non-western societies?*» [9. P. 6] So, he also expresses a vision that democracy is spread to other countries from West.

The modern democracy in Mongolia has changed from the ideology and desires into the daily actions and real-life needs of achievement

of the people. Hereof, a few of challenges, one-sided approaches and polarization have occurrence in the consolidation process of democracy as followed an inverse and failures. The prominent researchers such as Francis Fukuyama were noted that democracy is a natural phenomenon. The democracy understanding has yet become orderly among to Mongolians. In accordance with general trends, the people mean that's building and making the realities of national democracy such plants in our own land as followed to imitating that external approaches from the outside of Mongolia and other nationals. Regarding to a key significance of democracy expressed by mediating values of human rights, freedom, equality which prevails as excessively general and declarative pretend perception within the people such renowned scholars.

Since its democratic transition in 1990, researchers who considered as underlying factors and state of affairs of democracy in Mongolia that represented a country for "fourth wave in the democracy" and Central Asian region since 1990, Mongolia that emphasized as the "first example of the extraordinarily unusual" in the democratic process as considered by internationally. The essence of "Extraordinarily unusual" emphasizes were not being as "prerequisite" of the traditional democracy same with western countries, in regards that quite a few of democratic cultural features were important as unique or classical transfer to liberal form of democracy. Mongolia situated between two substantial neighbors such implements a different way of democracy in the world, that relates to the unique of "extraordinarily unusual" tells a number of factors and circumstances that we have concerning that facial appearance, aspects in the democracy studies. It involves a *primary key argument* in this research paper. Regarding to the democracy assessment such requires that relevant understanding and categories should be related to forming measurable indicators that basic concept, categories estimation to assess. We usually think that democracy is not only as a dream, which is not a matter within the country or state. Any kind of democratic principles are related to the union of collective decision – making. There is a significant relationship between the democracy and level of statehood and other social institutions' stage of democracy. The state-government has the rights to regulating the all categories of social affairs and forced taxing ability, and that have authorities to decision of living and passing away of members, and in relating to valued decision of the democracy in the government level in building up the most extensive framework of acting for unions or co-

alitions. We are having lots of reasons to set up the democracy is being as our values. This is our *next key argument* of the research.

Analyzing post-communist regimes J. Møller and S.E. Skaaning put Mongolia in the group of minimalist democracy countries, emphasized its exception from the Central Asia where the autocracy regimes prevail. According to Freedom in the world 2008 identification of regime types Mongolia is in the list of free post-communist countries [17. P. 61, 64, 67].

However, democracy does not develop by itself; it spread on the real soil of national culture, traditions and way of thinking. The Mongolian national identity is based on nomadic civilization. Nomadic intellectual and spiritual life is unique. Chinese writer Jiang Rong in his novel «Wolf totem» translated in 40 world languages wrote about his life experiences of staying in Inner Mongolia: «... steppe nomads believe that the nature and pastures in comparison with human life is the supreme vital value, whereas in settled communities a human life is considered» as the highest value. Statement of old Mongolian herder that «*How can man survive if the nature and pastures will be destroyed?*» [19. P. 66] contains an interesting idea on specifics of nomadic mentality expressing an eco-philosophical approach. Chibilev A.A. also writes about unique mutual influence of landscape of steppe and anthropogenic factor of nomads, identifying the multifaceted traces and consequences of nature-man interaction on the territory of the Great Plains of Northern Eurasia at the period of so-called “nomadic steppe empires”. He concludes “that the landscapes of the steppe zone constituted natural-anthropogenic complexes resulting from cultural transformation of space by the nomadic peoples” [4. P. 219].

So, if freedom and democracy is assumed to be universal values of humankind, then along with displaying their relationship to issues of origin, history, traditions and rituals, religion and values system of the country it is important to seriously examine this issue.

Additionally, until just before the decade of the 1980s, however the failings of Marxism-Leninism and the superiority of democracy and the market system were not always that obvious. Whatever our recurring questions, they were suddenly answered by what can only be called the near simultaneous volcanic eruption in what had been assumed to be essentially quiescent Marxist-Leninist world. To understand the reasons for the unraveling of the Communist world, it is necessary to retrace the evolution of the Communist movement. In many events, the dictatorship of the proletariat or rather the com-

munist parties in the bloc countries with its intellectuals, seemed to be the perfect vehicle for mobilizing capital and labor and overseeing the transformation of a backward agrarian and agricultural country into a modern industrialized society. Such an approach however proved to be very costly. Thus, since in communist countries the capitalists were removed, the Communist parties had to implement industrialization. Because these countries lacked facilitating economic and political institutions such as a middle class with independent incomes, guilds and institutional constraints on unlimited power, though, their ‘transformations’ were accompanied by social, structural and political regimentation and inherent abuses which hindered their economic as well as political modernization [7. P. 10]. Mongolia is a part of the countries which newly established democracy in the democratic development and governance sustainability. In accordance with national statement to the Constitution, the Mongolian people have the right to participate directly in political decisions. This right is implemented through election of state institutions. In addition, the particulars of democracy in Mongolia have naturally valuable in the people’s living, and that also significance of instrumentally and constructively consequences in the political decision-making process.

Decision making process on law and policy-making is semi-open and consultations with citizens and the public are not conducted properly. Despite the many unique features that characterise Mongolia, the follow-up activities reflect a common set of challenges faced by many new democracies, as well as many mature democracies, suggesting Mongolia joins other democracies in the world in struggling to develop long-lasting democratic institutions and to inculcate deeply felt democratic values. Additionally, the general sense of cooperation at the domestic level, the follow-up activities were carried out in a spirit of international cooperation, and in many ways set a milestone in the idea of supporting democracy worldwide. On the other hand, in order to increase the political participation of citizens, elected officials and politicians should not only rely on their ultimate power of decision making, but also discussion and consultation with citizens should be carried out prior to final decision.

The countries that switched to democracy in the level of the first two waves of democracy have begun to emerge from the same circumstances in general environment such as economic and political conditions, while the third wave of democracy has changed into differentially, and formed by the following conditions. For an instance, *Since the transition to the democracy as*

designed by the process of globalization, that proceedings of the various forms of democracy and the transitional process have become common entrance, and all of this should be a clear indication of global political processes. In other words, only non-state and international factors such as historical, economical, social and cultural aspects are influenced by the form of democratization, initiative commitment and other entries of the democratic process. Today, any countries which applies to non-democratic regimes that the class is not unconnectedly as democratic political process of globalization, there are signs that commenced by the third wave of an independent democratic basis of international relations, which influenced by the social democratic movement and its substantial content more democratically efforts.

As considering of democracy referred as a proper values and main beliefs, that establishment of the problems of democracy has solidly defined as legitimate needs as not only required by a way of context of a pragmatic tool. Practically, the democratic institution has explained as solving the definite problems such related to the social and economic spheres. Ideally, democracy is considered as the needs of the people, rather than appropriated political regime in the current environment. The democracy, even if it is an economic crisis, which has proved relatively stable.

Since the democratic regime has many scenarios, the following questions were associated with it. Now, it is globally accepted and recognized beliefs such adhering to judge the strengths and weaknesses of liberal democracy, as well as *investigating that other forms of democracy expression* as required that is essential for their tolerance. Political changes at the end of the twentieth century would not be end with a process of democratization, then a history of democracy will not complete by it. In this sense, democracy is based on the idea of a combination of collapse and depression. In other words, while some countries are moving towards to democracy, some others may emerge from the democracy, then, the fourth wave of democracy is likely to be occur in the 21st century. Consequently, the attitude of predicting the development of new forms of democracy will prevail in the political theory.

Samuel Huntington explained by the above-mentioned that democratic character and its substantive analysis and approaches to the human being as fully aware of that achieve the democratic movement back to the irreversible phenomena [9, p. 6]. In accordance with the concept of slogan under "democracy in Mongolia" that has been considered as the negotiations, surveys and publications on democracy

in Mongolia. In the within political groups and political scientists were thanked and supported by this concept as constituted with an absolute majority. In the 20th century, the Mongols spoke, wrote and studied on democracy. At first, it focused on the notion of «*proletarian or socialist democracy*» in Marxist theory, and then it referred to escort on the idea of «*liberal or free democracy*» either nor Marxist theory. So, they were limited access to otherwise. Though, regardless of attempts to implement socialist democracy has failed to a standstill in the 1990s, then, the liberal democratic process reversed by the two decades, it was still remarked about the crisis in recent years, and somewhat it proceeded slowly [3]. Creative thinking is necessary spiritual quest questions about the future. This perspective is the firstly important to focus on the methodological issues [21. P. 16].

Correct interpretation of history, learning from its lessons and be proud of it is one source of national consciousness, its intellectual background and of philosophy of national development policy. All this is the matter of historical philosophy or if be more exact it has relation to issues of development philosophy.

We have to take into consideration an origin of historical records and scientific value of these sources. Hegel did not say occasionally that «*With China and the Mongols... history begins*» [8. P. 129].

According to the opinion of Professor Dash-Yondon B., considered that statement expression contains a concrete idea in the philosophical and historical aspect. He stated that settled nations had more opportunities left historical memory than nomads. So, World history supposed to be started from states with written history, nevertheless history is also product of states which creates it. Indeed, the World history is connected to Asia, particularly China and Mongolia «... Some of nomads from mountainous steppes are living peacefully, another occasionally invades others. And although nomads did not develop written historical sources, they have the huge potential capable to cardinaly change life of the people, so the beginning of history perhaps should be looked for among them» [5]. It is possible that the essence of told by Hegel is that nomads make history in all places (everywhere) where they have been [8]. And the settled people make historical entries about nomads as well as about themselves. Confirmation of this is that the mention of nomads is available in cultural heritage over 40 countries, generally with a settled way of life. Therefore, given circumstances are necessary to consider at interpretation of historical sources.

At national and civilizational level, the po-

litical process itself has either positive or negative impact on development. Political process does not emerge from nothing; it has by substance a real civilizational background.

In order to constitute a mode of governance responding to specific requirements consistent with the modern Mongolian civilization basic social relations should be regulated by law, traditions, customs, behavior, morality and other mechanisms. The answer on inquiry about present situation is as likely to be negative. Discourse on development philosophy and policy, proper mode of governance is still in progression and issue of changing the Constitution reached the legislative level. Doctrine (concept) of rule of law does not exceed limits of political propaganda. Implementation of law is not realized; morality, transparency and social justice are decreasing. The corruption and bribery are spread widely, and political-business groupings are dominating at every level of society. The entire political process does not fit the fundamentals features of democratic society (civilization) and national interests.

Issues of national development are not possible to consider without the understanding specifics (peculiarities) of Mongolian religion, culture and civilization, particularly of national mentality. Religion, culture and civilization are intertwined phenomena and processes which are emerged and developed among people of same origin and race in same natural and spatial environment simultaneously without strictly defined order. The nation is emerging when people of same nature-geographical region and same ethnicity and origin are uniting on the spiritual (religion), existential (culture) and political (civilization) predispositions.

Geopolitical aspect

The beginning of the twenty-first century created the new situation in world and regional development trends. Political analysts said that «power balance in the international relations transferred into multipolar world»¹. Three main world development centers – USA, China and Russia – are emerged and threat of potential conflict between them increased respectively. It is apparent that this process in future will strongly affect the present and further development of each region and country in the world. It is necessary for each country and nation to identify the impact, the fundamental basis for development, methodology, approach and new challenges.

Thus, fundamental issues on level of methodological approach in development philosophy

as well as in civilizational philosophy appeared respectively to changes in world situation. The issue of national identity should not be excluded from political agenda as well as historical and development issues from policy analysis.

At present Mongolia has a tough choice in pursuing foreign policy. There are many options. According Professor Zheleznyakov A., it might be choices for nonpolar, organic, monopoles, bipolar or multipolar world [24. P. 11]. Mongolia is also involved in different economic projects of Russia and China, for example transport and energetic routs [1]. Russia and Mongolia are connected not only with the common socialist past but also friendly and respectful mutual perception of the citizens of both countries that was proofed with many social surveys [11].

Respectively to intensification of geopolitical and geo-economics interests of our two neighbors the activity of the “third neighbor” – USA, Japan and South Korea- increased significantly. In these circumstances is important to find a proper balance. It mostly depends on mining and transportation infrastructure; however, the issues of civilizational and national identity are also important. Unfortunately, there is did only a few for analyze of the situation and implement in policy.

Conclusion

Mongolia in respect to its geographical location belongs to Asia-Pacific region. In civilizational aspect Mongols are nomadic nation. These two factors are fundamental conditions for shaping of national identity. In context of civilizational belonging and of national identity Mongols are closer to Central Asian space. In this spatial area operate regional organizations such as the Shanghai Cooperation Organization and APEC. However, Mongolia is not a member of these organizations and having only status of observer could not efficiently participate in big regional and world projects and programs. All main trade and business partners of Mongolia-Russian Federation, China, USA, Japan, South Korea and Australia – are members of APEC. Mongolia is developing a strategic partnership with RF, China, Japan and USA. Hence membership in this regional organization in addition to the economic significance has for Mongolia a strategic importance.

To recapitulate above said the following basic factors of national identity should consider in process of regional integration at all levels.

¹ Bayarkhuu D. Ukraine's crisis crossed borders. An interview. “Daily News of Mongolia” Newspaper. 2014. № 069.

First, conservation of clean and safe ecological environment and ensure the sustainability of ecological development;

Second, rational use of natural resources on the basis of research taking into account the future perspective and without pressure from the outside;

Third, preserving the specifics and advantages of the national civilization, and relying on own mind and strength to develop Mongolia without trying to imitate others. Only in this case all risks associated with active international and regional integration will be minimized.

References:

1. Badaraev D.D., Vinokurova A.V., Litvinova T.N., 2017. The creation of economic corridors «China – Mongolia – Russia» as an alternative to the «Silk Road». *Ojkumena. Regional Researches*. No. 2 (41). P. 7-17.
2. Bira, Sh., 2007. *Tüüver zokhioluud*. [Selected works]. Ulaanbaatar.
3. Changes in the Democratic Governance in Mongolia. 2006; 2008; 2010; 2013. IPSL, SPAI, UNDP, «Sansudai» Printing house. «Bembi-san LLC». Ulaanbaatar.
4. Chibilev A.A., 2009. Landscapes of Eurasian steppes as the object of historical steppe science. *Geography and Natural Resources*. No. 30. P. 219-223.
5. Dash-Yondon, B., 2012. Setgelgeegee shinechlekh ni khyamralaas garch devjikhii undes mön [Updating of thinking is a way from crisis to growth]. *Tsag üye: setgel bodrol, filosofi* [Time: thoughts and philosophy]. Ulaanbaatar.
6. Dash-Yondon, B., 2012. Töv üzel-setgekh arga [Teaching of the Middle way is the way of thinking]. *Tsag üye: setgel bodrol, filosofi* [Time: thoughts and philosophy]. Ulaanbaatar.
7. Goldman, M. & Goldman, M., 1992. To Leninism and back. *From Leninism to Freedom: The challenges of Democratization*. Edit. Margaret L. Nugent. San-Francisco: Boulder, Oxford: Westview Press.
8. Hegel, G.W.F., 2001. *Philosophy of History*. Ontario: Batoche Books Kitchener.
9. Huntington, S. P., 1997. After twenty years: the future of the third wave. *Journal of Democracy*. Volume 8 (4). P. 3-12.
10. Litvinova, T.N., 2017. The Idea of Mongolian Civilization as a Concept of a Multipolar World Order. *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 187-191.
11. Litvinova, T.N., Zheleznyakov, A.S. 2019. Vzaimnoye vospriyatiye obrazov Rossii i Mongolii v kontekste transtsvilizatsionnogo vzaimodeystviya [Mutual perception of images of Russia and Mongolia in the context of trans-civilization interaction]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. No 5. P. 129-138.
12. Lkhagva, O., 2011. Munkh tengerii i golograficheskaya vsyelyennaya. [Munkh tengri and golographic univers]. *Tengerizm ba mongolchuud*. [Tengerism and Mongols]. Ulaanbaatar.
13. Luvsantseren, G., 2008. Buddyn gün ukhaany onol, tüükhiin asuudlaas. [Issues of Buddhist philosophy and history]. Ulaanbaatar.
14. MongolUlsyn tüükh [History of Mongolia], 2003. Volume 1. In V volumes. Ulaanbaatar.
15. MongolUlsyn tüükh [History of Mongolia], 2003. Volume 2. In V volumes. Ulaanbaatar.
16. Mongolyn filosofiin tüükh (XVII-XIX zuun) [History of Mongolian philosophy for XVII-XIX cc.], 2001. Volume 4. Ulaanbaatar, Institute of Philosophy, Sociology and Law, Mongolian Academy of Sciences.
17. Møller, J. & Skaaning, S.E., 2010. Post-Communist regime types: Hierarchies across attributes and space. *Communist and Post-Communist Studies*. No. 43. P. 51-71.
18. Oyuunlag tanin medekhüi [Spiritual cognition], 2011. Joint work. Institute of Philosophy, Sociology and Law, Mongolian Academy of Sciences. Ulaanbaatar.
19. Rong, Jiang, 2010. Wolf totem. Translated Boldbaatar D., Edited by Mend-Ooyo G., Ulaanbaatar: «Mon sudar» Printitng LLC.
20. Rossiya i Mongoliya: tsivilizatsionnyye aspekty modernizatsii (sravnitel'nyy analiz) [Russia and Mongolia: civilizational aspects of modernization (comparative analysis)], 2016. /edited by A.S. Zheleznyakov, T.N. Litvinova. Moscow: Institute of Sociology RAS. [Electronic resource] URL: <http://www.isras.ru>.
21. Tsanjid, A., Chuluunbaatar, G., Ganbat, D., 2008. Democratic principle and integration on the National characteristics and culture. *Report on the Grant project on Scientific*. Ulaanbaatar.
22. Tsanzhid, A., 2011. Tör barikhui mongol ukhaan [Mongolian art of state management]. «Admon» Printing Company. Ulaanbaatar.
23. Tseveen, Zh., 2000. *Tüüverz okhioluud* [Selected works]. Ulaanbaatar.
24. Zhelezniakov, A.S., 2012. The Civilisational Dimension of Identity in Multipolar World. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. No.11. P.11-21.
25. Zhelezniakov, A.S., 2016. Mongol'skaya tsivilizatsiya: istoriya i sovremennost'. Teoreticheskoye obosnovaniye atlasa. [Mongolian Civilization: History and Modernity. Theoretical Justification of the Atlas]. Moscow.

26. Zhugder, Ch., 2006. Mongolyn niigem uls tör, filosofiin setgelgeenii khögjil. [Development of Mongolian social-political and philosophical thought]. Ulaanbaatar, «Bembi san» Printing Company.

This article is prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Ministry of Culture, Education, Science and Sports of Mongolia, project N 19-511-44012 "Inter-civilizational interaction of Russia and Mongolia in the context of the Great Eurasian Partnership"

ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МОНГОЛЬСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

Введение. Статья посвящена оценке актуальных идей цивилизации Внутренней Азии в многополярном мире. В современных условиях каждой стране необходимо креативно исследовать идеи и научные цивилизационные теории, чтобы определить свое место в мировом сообществе. Сегодня монгольские ученые достаточно подробно изучают эти теории и доктрины западной философской мысли, но такое исследование заслуживает творческого подхода, так как эти концепции не вписываются должным образом в национальную реальность и специфику.

Материалы и методы. Чтобы определить особенности монгольской цивилизации, авторы изучают философские учения и представления о гармонии, учение о двойственности, времени, основы буддизма – все те идеи, которые повлияли на воззрения монголов на «нацию» и «демократию», историю и геополитику.

Результаты. В настоящее время у Монголии сложный выбор линии внешней политики. Появились три основных центра мирового развития – США, Китай и Россия, и соответственно возросла угроза потенциального конфликта между ними. Очевидно, что этот процесс в будущем будет сильно влиять на настоящее и дальнейшее развитие каждого региона и страны в мире. Таким образом, фундаментальные проблемы методологического характера, а также цивилизографии связаны с изменениями в международной ситуации. Вопрос национальной идентичности не должен быть исключен из геополитической повестки дня, а также вопросы исторического развития из анализа политики.

Обсуждение и выводы. Монголия по своему географическому положению относится к

Азиатско-Тихоокеанскому региону. В цивилизационном аспекте монголы являются кочевой нацией. Эти два фактора являются фундаментальными для формирования национальной идентичности. В контексте цивилизационной принадлежности и национальной идентичности монголы ближе к среднеазиатскому пространству. В этой пространственной области действуют такие региональные организации, как: Шанхайская организация сотрудничества и АТЭС. Однако Монголия не является членом этих организаций, имея лишь статус наблюдателя, а потому не может эффективно участвовать в крупных региональных и глобальных проектах и программах. Следовательно, членство в этих региональных организациях в дополнение к экономическому росту имеет для Монголии стратегическое значение.

Чулуунбаатар Гелегпил,
доктор философских наук, профессор,
первый вице-президент Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия

Хатанболд Оидов,
кандидат политических наук, старший
научный сотрудник Института философии
Монгольской академии наук, Улан-Батор,
Монголия

Железняков Александр Сергеевич,
доктор политических наук, заместитель
директора Института востоковедения РАН,
главный научный сотрудник, Федеральный
научно-исследовательский социологический
центр РАН, Москва, Россия

Ключевые слова:

Внутренняя Азия, монгольская цивилизация, кочевники, геополитика, национальная идентичность, внешняя политика

Keywords:

Inner Asia, Mongolian civilization, nomads, geopolitics, national identity, foreign policy

Литература:

1. Бадараев Д.Д., Винокурова А.В., Литвинова Т.Н. Создание экономических коридоров «Китай – Монголия – Россия» как альтернатива «Шёлковому пути» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 2 (41). С. 7-17.
2. Бира Ш. Түүвэр зохиолууд. [Избранные работы]. Улан-Батор, 2007.
3. Changes in the Democratic Governance in Mongolia. Ulaanbaatar: IPSL, SPAI, UNDP, «Sansudai» Printing house, «Bembi-san LLC», 2006; 2008; 2010; 2013.
4. Chibilev A. A. Landscapes of Eurasian steppes as the object of historical steppe science // Geography and Natural Resources. 2009. No. 30 P. 219–223. DOI: 10.1016/j.gnr.2009.09.003
5. Даш-Ёндон Б. Сэтгэлгээгээ шинэчлэх нь хямралаас гарч дэвжихийн үндэс мөн. [Обновление вашего мышления является основой для выхода из кризиса] // Цаг үе: сэтгэл бодрол, философи. [Времена: психология и философия]. Улан-Батор, 2012.
6. Даш-Ёндон Б. Төв үзэл-сэтгэх арга [Срединный образ мышления] // Цаг үе: сэтгэл бодрол, философи. [Времена: психология и философия]. Улан-Батор, 2012.
7. Goldman, M. & Goldman, M. To Leninism and back // From Leninism to Freedom: The challenges of Democratization. Edit. Margaret L. Nugent. San-Francisco: Boulder, Oxford: Westview Press. – 1992.
8. Hegel, G.W.F. Philosophy of History. Ontario: Batoche Books Kitchener, 2001.
9. Huntington, S. P. After twenty years: the future of the third wave // Journal of Democracy. 1997. Volume 8 (4). P. 3-12.
10. Литвинова Т.Н. Идея монгольской цивилизации как концепт многополюсного мироустройства // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 187-191. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.13>
11. Литвинова Т. Н., Железняков А. С. Взаимное восприятие образов России и Монголии в контексте трансцивилизационного взаимодействия // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 129-138. DOI: 10.31857/S013216250004967-6
12. Лхагва О. Мунх тэнгэрий и голографическая вселенная. [Небо и голографическая вселенная] // Тэнгэризм ба монголчууд. [Тенгрианство и монголы]. Улан-Батор, 2011.
13. Лувсанцэрэн Г. Буддын гүн ухааны онол, түүхийн асуудлаас. [Из теории и истории буддийской философии]. Улан-Батор, 2008.
14. МонголУлсын түүх. [История Монголии]. Том 1. В 5-ти томах. Улан-Батор, 2003.
15. МонголУлсын түүх. [История Монголии]. Том 2. В 5-ти томах. Улан-Батор, 2003.
16. Монголын философийн түүх (XVII-XIX зуун). [История монгольской философии (XVIII-XIX вв.)], Часть вторая, книга IV. Улан-Батор: Институт философии, социологии и права МАН, 2001.
17. Møller, J. & Skaaning, S.E., 2010. Post-Communist regime types: Hierarchies across attributes and space. *Communist and Post-Communist Studies*. No. 43. P. 51-71.
18. Оюунлаг танин мэдэхүй. [Духовное познание]. Улан-Батор: Институт философии, социологии и права МАН, 2011.
19. Rong, J. Wolf totem. Translated Boldbaatar D., Edited by Mend-Ooyo G. Ulaanbaatar: «Mon sudar» Printitng LLC, 2010.
20. Россия и Монголия: цивилизационные аспекты модернизации (сравнительный анализ) / отв. ред. А.С. Железняков, Т.Н. Литвинова. Москва: Институт социологии РАН, 2016. – 196 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=4447
21. Tsanjid, A., Chuluunbaatar, G., Ganbat, D., 2008. Democratic principle and integration on the National characteristics and culture. Report on the Grant project on Scientific. Ulaanbaatar.
22. Цанжид А. Төр барихуй монгол ухаан. [Монгольское искусство государственного управления]. Улан-Батор: «Адмон», 2011.
23. Цэвээн Ж. Түүвэрз охиолууд. [Избранные работы]. Улан-Батор, 2000.
24. Железняков А.С. Цивилизационное измерение идентичности многополюсного мира // Философские науки. 2012. №11. С. 11-21.
25. Железняков А.С. Монгольская цивилизация: история и современность. Теоретическое обоснование атласа. М.: Весь Мир, 2016. 288 с.
26. Жүгдэр Ч. Монголын нийгэм улс төр, философийн сэтгэлгээний хөгжил. [Развитие монгольской социально-политической и философской мысли]. Улан-Батор: «Бемби сан», 2006.

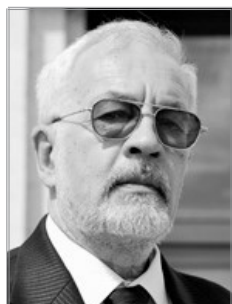
Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии, проект № 19-511-44012 «Межцивилизационное взаимодействие России и Монголии в контексте Большого Евразийского партнерства»

НАТУРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА: АДАПТАЦИЯ К НЕКЛАССИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Татьяна Алексеева*

Александр Минеев**

DOI 10.24833/2073-8420-2020-1-54-14-27

Введение. Одним из важнейших достижений человечества стало признание системного единства естественно-научного и социального познания. Признание этого, однако, имело место отнюдь не всегда. Это весьма наглядно проявилось в истории становления и развития политических наук, которые на разных этапах бросались из крайности в крайность, то отождествляя свои методы с естественно-научными, то претендуя на собственную уникальность, а то и универсальность. С точки зрения методологии эти вопросы приобрели особенно важное значение на фоне новой неклассической картины мира, однако адаптация политических наук к новому типу мышления сталкивается с изрядными трудностями.

Методы исследования. Основной метод исследования – сравнительный анализ вариантов сопряжения философско-субстантивных (онтологических и эпистемологических) и политико-прикладных способов исследования политических и международно-политических процессов и явлений. Кроме того, применялся интерпретативный подход.

Результаты исследования. Рассмотрение наиболее важных подходов к исследованию политических и международных процессов показывает, что восприятие новых постулатов неклассической и постнеклассической картины мира в сфере познания политического сталкивается с изрядными трудностями. Наряду с сохранением влияния чисто механистического подхода имели место попытки обращения к отдельным элементам новых картин мира, в частности, к квантовой физике, биологии, использования фактора случайности, отказа от причинно-следственных моделей. Однако в большинстве случаев можно говорить не столько о трансляции методов и подходов из естественных наук в политические, сколько о попытках выстраивания «слабых» вариантов теорий

* **Алексеева Татьяна Александровна**, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России
e-mail: ataleks@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6561-2281

** **Минеев Александр Петрович**, кандидат физико-математических наук, профессор кафедры политической теории МГИМО МИД России
e-mail: mineyev@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-7269-7885

или некоего подобия (например, квантовоподобных) теорий), хотя в целом политические науки, равно как и другие социальные науки все же стремятся развиваться в духе времени.

Обсуждение и заключение. Адаптация политических наук к новым научным картинам мира неизбежна, но по определению ограничена: при всем единстве знания как такового их методы и инструменты весьма различны и даже в процессе приспособления претерпевают столь значительные изменения и упрощения, что зачастую сохраняют лишь наименования и имитацию методологии других наук. И все же как минимум придется идти параллельным курсом. Но некоторая осторожность здесь все же не помешает.

Введение

Начнем наш разговор с цитаты Е.С. Спекторского (1875-1951) - русского правоведа и социального философа, профессора Императорского Варшавского университета: «Каким бы ни казалось ежедневное маленькое дело обиходной юриспруденции, даже оно построено на предпосылках чисто философского значения и притом величайшей глубины. В деятельности суда есть и этика, и метафизика, и даже теория познания, словом, вся философия».

Сказанное Е.С. Спекторским чуть ли не сто лет назад в отношении права, может быть с полным основанием отнесено также к политике и политологии. С момента своего зарождения философия и наука шли рука об руку с осмыслением политики, как правило, открывая новые возможности, но и одновременно привнося новые опасности и угрозы.

Одним из важнейших достижений человечества стало признание системного единства естественно-научного и социального познания. Другое дело, что признание этого имело место отнюдь не всегда - можно привести множество примеров, когда та или иная дисциплина пыталась «отгородиться» от других областей исследования процессов, общенаучных процедур и методов приобретения знаний о явлениях и закономерностях объективного мира, претендуя на свою особую роль в реализации интересов человека. Это весьма наглядно проявилось в истории становления и развития политических наук, которые на разных этапах бросались из крайности в крайность, то отождествляя свои методы с естественно-научными, то претендуя на собственную уникальность, а то и универсальность. Эти вопросы обретают важнейшее методологи-

ческое значение на фоне складывания новой, по сравнению с ньютоновской, «механистической» картиной мира и усиления влияния «неклассической», а затем «постнеклассической» картин мира.

Исследование

Рассуждения о единстве наук мы находим уже у античных мыслителей, в том числе, Сократа, Платона, Аристотеля. О «единстве многообразия знаний, объединенных одной идеей» писали такие «классики» философии как Р. Декарт, Т. Гоббс, И. Кант и многие другие.

Особое значение вопрос о единстве познания приобрел с середины и особенно к концу XIX столетия, когда наука наконец-то превратилась в один из важнейших факторов общественного сознания, по крайней мере, поначалу в наиболее развитой части мира. Но к этому времени рассуждения о смысле и способах познания мира уже прошли долгий путь. В Средние века, как известно, господствовало религиозное мировоззрение, все аспекты жизни направлялись и контролировались «свыше» - от Творца. С наступлением эпохи Модерна (Современности) утвердилась ньютоновская механистическая картина мира, рассматривавшая мир и человечество как своего рода часовой механизм, состоящий из отдельных частей атомов, взаимодействия между которыми детерминированы законами механики. Наука начала отделяться от философии, стремясь четко обозначить свои рубежи и принципы. Простота и элегантность законов механики Ньютона по существу сформировала западную культуру последних трехсот лет.

Механистическая картина мира, возникшая в результате мощного прорыва в естественных науках, оказала сильное влия-

ние на складывавшиеся социальные науки. Отсюда - зарождение и распространение натурализма, а позднее и сциентизма, иначе говоря, попыток привнесения методов и процедур естественных наук в исследование социальной сферы. Классическая физика опиралась на материалистическую онтологию, в которой реальность трактовалась, как состоящая из вещества и связующих различные его фрагменты силовых полей. По сходному пути пошли и социальные науки. Как следствие, на протяжении длительного времени сама наука, а также и социальное познание, стали ассоциироваться со многими «-измами» - материализмом, натурализмом, редукционизмом, эмпиризмом, а также позитивизмом, сыгравшим в становлении политических наук решающую роль. Крупнейший немецкий философ Мартин Хайдеггер связал даже историческую субъектность с началом научной рефлексии по поводу картины мира - осознанная история человечества начинается, собственно, именно с этого момента [6. С. 93-118].

Со временем позитивистская философия и наука в целом уточнили и выстроили модель научного знания, соответствующего классической картине мира. Именно позитивизм как философское учение и направление в методологии науки, в соответствии с принципами которого единственным источником истинного знания рассматривались эмпирические исследования, положил начало становлению познания политического как науки. Более того, даже само понятие науки в целом долгое время по существу отождествлялось с позитивизмом. В мышлении исследователей твердо закрепилось представление о том, что подлинно научный метод обязательно предусматривает опыты, эмпирическое познание, многократно перепроверенные результаты наблюдений. Научная картина мира отныне рассматривалась как система законов, выражающихся математически. Тем самым, в рамках принятого однажды математического построения произошел переход от способа рассуждений о мире как поискам ответа на вопрос «почему?» к вопросам «как?».

Как известно, каноном подлинной науки для теоретиков-обществоведов традиционно выступала прежде всего физика. Все остальные науки воспринимались как подчиненные физике - никакие явления, вещи, отношения или процессы не могут противоречить законам физики. Это объ-

яснялось тем, что, поскольку физика имеет дело с элементарными частицами, из которых состоят макроскопические феномены, формирующие реальность, все в природе есть ничто иное как физика. Физика - фундаментальная наука, все остальные науки называют специальными, тем самым, подчеркивая их подчиненный статус. Поэтому, отнюдь не случайно, Огюст Конт назвал новую, созданную им науку «социологию» - «социальной физикой». С точки зрения создателей социальных наук, из которых позднее выделилась политология, а еще позднее наука о международных отношениях, предмет науки об обществе и предмет науки о природе совпадают, а стало быть, предполагают аналогичные методы исследования. В результате их усилий, социально-политические теории переставали просто выражать «мнение» мыслителя, а создавали отныне возможности для фиксации и объяснения социальных и политических процессов, выявления закономерностей их развития.

В представлениях позитивистов все общественные явления - объективная реальность, не зависящая от сознания изучающих ее людей, их представлений, взглядов, оценок. Структуры общества неизменны, поэтому общество познаваемо подобно природе. Обществовед, соответственно, должен изучать мир как бы извне, познавая его законы. Политический факт ничем не отличается от природного факта, следовательно, задача ученого - наблюдение и сбор фактов, и, наконец, установление зависимостей между переменными.

Поэтому в соответствии с требованиями позитивизма политологи и международники по мере складывания их направлений исследования в отдельные дисциплины, начали пытаться построить политическое знание как «точную науку», аналогичную математике, физике и естествознанию в целом. Политическое знание отныне рассматривалось на основании объективных принципов и логических умозаключений, оно могло быть сформулировано, доказано, фальсифицировано точно так же, как это происходило в естественных науках.

Постепенно учёные накопили уже такое большое количество эмпирических данных, что важнейшей задачей стала проблема их систематизации и теоретического осмысления. «...Уже со времени формирования естествознания в качестве самостоятельной отрасли знания, - указывает отечественный философ М.Е. Добрускин, - про-

исходят два противоположных процесса - дифференциация единого знания на его составные части, на более узкие специальные дисциплины и его интеграция в стремлении к их объединению в единую систему знания» [4].

В дальнейшем эта диалектическая взаимосвязь только усиливалась по мере развития научно-технического прогресса. Ее упрочению способствовала общность методологии при всем разнообразии конкретных методов, используемых отдельными отраслями знаний. Под влиянием природных наук изначально нестабильные, социальные науки претерпевали существенные изменения. Не только заимствованный, но и самостоятельный поиск научного метода во многом по образцу естественно-научных, быстро изменил сами эти дисциплины и трансформировал дисциплинарные параметры. Новые естественные науки по мере своего развития начали получать заметную поддержку со стороны социальных дисциплин. Они постепенно начали все чаще вводить свои метафоры в науки о природе («тело», «машина», «рынок», и т.д.). И, что особенно важно, была обоснована необходимость «ценности» в естествознании.

Как следствие, в социальной эпистемологии на многие десятилетия развернулась острая полемика между натуралистами и позитивистами, как сторонниками «объяснения» происходящего, не усматривающими серьезных различий между естественными и социальными науками, с одной стороны, и антинатуралистами, иначе интерпретативистами, сориентированными на «понимание», поскольку люди действуют в соответствии со смыслами, нуждающимися в интерпретации, - с другой.

Особое значение взаимодействие естественно-научного и социального знания приобрело на фоне отхода от механистической и утверждения т.наз. неклассической, а позднее постнеклассической картины мира. Неклассическую картину мира, складывавшуюся на рубеже XIX-начала XX вв., обусловила серия фундаментальных открытий (сложной структуры атома, явления радиоактивности, дискретного характера электромагнитного излучения, квантовой теории в физике, генетики в биологии, кибернетики, теории систем и т.д.). Это был настоящий «взрыв» в познании. Создавалось впечатление, что в течение нескольких десятилетий ниспровергалось чуть ли не все, достигнутое науками за предшествовавшие эпохи. В результате совокупности

этих открытий сформировалась новая картина мира, предполагающая оспаривание универсальности законов классической физики.

Примерно в то же время русский ученый В.И. Вернадский показал, что исследование физической реальности - лишь один из способов познания мира, для получения полной картины необходимо включение множества элементов, включая живое (то есть «натуралистическую картину мира»). Таким образом, вместо одной-единственной истинной теории отныне допускалось существование нескольких, отличающихся друг от друга, но мотивированных единым стремлением приблизиться к истинному знанию. Большое значение придавалось корреляции между онтологическими постулатами науки и методами исследования (в квантово-релятивистской физике), в частности, учету особенностей средств наблюдения, вступающих во взаимодействие с объектом исследования. В трудах А. Эйнштейна, Н. Бора, М. Борна, В. Гейзенберга, и др. все более отчетливо звучала мысль о том, что представления о физическом мире зависят от положения самого познающего субъекта и от специфики его познавательных средств. Помимо исторической изменчивости знания и относительности научных выводов, картина мира включала теперь и субъекта, не дистанцирующегося от мира, а включенного в него, причем ответы оказываются в зависимости от вопросов, которые ставит сам исследователь. Отсюда - иное понимание объективности, истины, теории, факта и т.д.

Открылась возможность изучения сложных саморегулирующихся систем. В новой оптике природа отныне рассматривалась как сложная динамическая система. Был отвергнут жесткий детерминизм, диктат причинно-следственных связей.

Реальный мир представал в новой оптике неклассической картины мира как сеть взаимосвязей и взаимозависимостей, а отнюдь не просто последовательности отдельных вещей и событий, как это предлагала механистическая картина мира.

Каждая из областей познания, сформировавшихся к этому моменту, вносила собственный вклад в общую картину мира, в то же время самостоятельность дисциплин по-прежнему сохранялась. Одновременно формировались новые философские представления об основаниях науки. Целое перестало быть просто совокупностью частей. Простые причинно-следственные связи

подверглись корректировке. Важную роль начал играть фактор случайности как проявление закономерности, появилось понятие вероятностной причинности. Более того, объект – более уже не вещь, а процесс, отчасти устойчивый, отчасти изменчивый. Наука начала изучать не неизменные вещи, а вещи в конкретных условиях (в контексте) их существования.

Учёные обнаружили, что объект микромира в квантовой физике в одних случаях ведет себя как частица, в других – как волна. Классическая частица обладает вполне определенной траекторией движения, волны делокализованы в пространстве, у них нет точных координат. Квантовые волны-частицы могут быть обнаружены в пространстве где угодно с вероятностью, определяемой так называемой волновой функцией. Сам факт обнаружения (измерения) будет всё же означать фиксацию частицы в данной точке и одновременно – кардинальное изменение её волновой функции, так что, начиная с этого момента, дальнейшая вероятность обнаружить частицу где-либо будет определяться иной, чем до измерения, волновой функцией. Но до момента измерения квантовая частица пребывает повсюду – она как бы «размазана» по пространству, – а не в каком-то конкретном месте: и тут, и там, то есть может с той или иной вероятностью быть обнаружена, вообще говоря, в любой точке пространственно-временной области. Сам по себе факт, что измерение радикально меняет физическое состояние объекта, свидетельствует о несовпадении предшествующей измерению «истинной», «квантовой» реальности и наблюдаемой – «классической», «данной нам в ощущениях».

Произошел отказ от традиционной дихотомии «субъективное – объективное», в соответствии с которой «научность» предполагала игнорирование «субъективного» в процессе исследования. В квантовой лаборатории, подчеркивают современные исследователи, от выбора приборов зависит результат эксперимента, что именно обнаружит ученый: последовательность волн или поток частиц. Согласно принципу неопределенности Гейзенберга, ответ, который мы получим на заданный вопрос, определяется самим вопросом.

Процитируем известного международника, уделившего немало внимания проблемам квантового подхода к исследованиям сознания и его применения в социальных науках Александра Вендта: «Если

математические принципы в классической физике соответствуют конкретным материальным объектам и силам, в квантовой физике они представляют только вероятности обнаружения определенных свойств при их измерении. Более того, эти квантовые вероятности, выражаемые «волновыми функциями» полностью не соответствуют классическим вероятностям. Несмотря на свой вероятностный характер, волновая функция – это *полное* описание квантовой системы до момента ее измерения, когда она «разрушается» и можно наблюдать единственный, классический результат. Т.е. в классической физике даже если мы не можем наблюдать объект, мы предполагаем, что он существует; в квантовой – для такого утверждения нет оснований. Хотя онтологический статус волновых функций является предметом споров, никто не считает, что они реальны в том же смысле, что и классические объекты. Волновые функции – это потенциальные реальности, а не действительные» [18. С. 2-3]. Отсюда – все трудности применения квантового, точнее квантово-подобного подхода к исследованию социальных и политических процессов и явлений.

Неклассическая наука сконцентрировалась на осмыслении многомерного пространства взаимосвязей, она признала равноправие противоборствующих концепций, открыла путь к конструктивному диалогу между учеными и мыслителями, настаивала на умении понять точку зрения оппонента. Но что особенно важно для нашего разговора, неклассическая наука, предполагала синтез мировоззренческих и методологических установок естественных и социально-гуманитарных наук.

Квантовая картина мира представляет Вселенную как непрерывно развивающуюся совокупность целостных, глубоко взаимосвязанных систем. С точки зрения человека, на смену механистическим законам приходят квантовый мир, предполагающий выяснение смыслов, целей, мотиваций как динамические организующих принципов бытия.

Таким образом, неклассическая, а затем и постнеклассическая («пригожинская») картина мира выявила совершенно новое представление о реальности, что создавало возможность примирения многообразия форм проявлений реального мира и соответствующих вариантов их осмысления [1. С. 109-116]. Она привнесла в сеть взаимосвязей наблюдателя, участника, иначе говоря, познающего реальность субъекта. Постнеклассическая

наука настаивает на индетерминизме; приоритете случайности; относительности пространства и времени; эволюционности и нелинейности (бифуркациях), условности закономерностей в природе и обществе; ко-эволюционности изменений и т.д.

Следующим шагом стало появление и развитие синергетики, допускающая возможность сосуществования всех трех научных картин мира на основе принципа взаимодополнительности, что делает исследовательский процесс еще более сложным, подвижным и неоднозначным.

Тем самым, значительно расширилось поле исследуемых объектов, возникла возможность изучения сложных саморегулирующихся систем, которым присущи разные уровни организации, множество относительно автономных и разнообразных подсистем, естественных, социально-гуманитарных, математических и др., массовое стохастическое взаимодействие элементов, выяснение обратных связей и т.д.

Наконец нам будет довольно трудно объяснить многие явления и процессы в сфере взаимодействия социально-политических и естественно-научных теорий без учета «принципа соответствия», сформулированного в 1923 году известным датским физиком Нильсом Бором. Этот принцип, помимо своего значения для физики, имеет также важное методологическое значение для науки в целом: любая новая теория, являющаяся развитием классической, не отвергает ее полностью, а включает в себя классическую теорию, указывая границы ее применения, причем в определенных предельных случаях новая теория переходит в старую. Бор пояснял это следующим образом: «... Создание новой теории не похоже на разрушение старого амбара и возведение на его месте небоскреба. Оно скорее похоже на восхождение на гору, которое открывает новые и широкие виды, показывающие неожиданные связи между нашей отправной точкой и её богатым окружением. Но точка, от которой мы отправлялись, ещё существует и может быть видна, хотя она кажется меньше и составляет крохотную часть открывшегося нашему взгляду обширного ландшафта» [7. С. 125]. Иначе говоря, прежние теории могут сохраниться, войти в новую теорию как частный случай или, наоборот, утянуть новые идеи за собой. Именно это и произошло, например, с теорией международных отношений, в которой по сей день сохраняются и весьма сильны позитивистские представления, на-

пример, в неореализме, причем его адепты зачастую не отдают себе отчет в том, что, будучи убежденными практиками, они не только не отказались от теорий, а с мощной идеологической приверженностью следуют одной из наиболее популярных в свое время теорий - позитивизмом.

* * *

Иными словами, мир «большой» науки претерпел фундаментальные изменения. А что же политическое знание?

В этой сфере дела обстояли существенно сложнее. И дело не только в систематическом отставании политического мышления от мышления ученых-естественников. Современная политическая наука (именно наука, поскольку политическая мысль имеет древнее происхождение) прослеживает свои корни с XIX века, когда быстрый рост естественных наук, общее увлечение позитивизмом стимулировало энтузиазм первых политологов на создание не просто очередного учения, а новой социальной науки. Особую популярность эти попытки приобрели в США, что было вполне естественным на фоне господства прагматизма и уже относительно длительного применения политических технологий, особенно в избирательном процессе.

Стремление соответствовать требованиям «большой науки» стало среди политологов особенно заметным с началом нового XX столетия. В президентском обращении к ежегодному конгрессу Американской Ассоциации политической науки (АПСА) 1910 года профессор Гарвардского университета А. Лоуренс Лоуэлл призвал политологов разрабатывать «физиологию политики», то есть приспособить научные процедуры, используемые при исследовании человеческих органов к анализу политических органов [15. С. 290]. Это, конечно, была крайняя версия органистского подхода, сегодня, вызывающая разве что улыбку. Но здесь важен пафос самого призыва терпеливо пытаться применять научные методы, что, в конце концов, позволит политологам «открыть принципы, которые управляют политическими отношениями человечества, и обучить этим принципам людей, которые будут находиться в положении, в котором будут способны воспользоваться ими» [12. С. 290-293]. Дальнейшие шаги в направлении сближения двух взглядов на мир представляются более убедительными.

Определяющее влияние на настроения обществоведов оказала первая мировая во-

йна. Довольно сильным было разочарование в самой идее исторического прогресса, возможности предвидеть развитие политических событий и делать беспристрастную оценку их последствий. Примером подобных настроений могут служить работы уже в то время довольно известного политолога из Чикагского университета Чарльз Мерриама. Выход из кризиса для относительно молодой области знаний он усмотрел в обращении к более тесному сотрудничеству с естественными науками – идея, которая, как считается, во многом была сформировалась у него под влиянием брата, известного биолога Джона Мерриама и его окружения. Чарльза Мерриама весьма беспокоило все более заметное отставание политологии от уровня развития естественного знания. Будучи очевидным сторонником либеральной демократии, Мерриам был убеждал своих читателей в том, что технологии и естественные науки скорее способны расширить, нежели разрушить участие граждан в практической политике. Имея собственный немалый политический опыт, он выдвинул новый вариант политической науки, которая, по его мнению, не только более уже не должна была оставаться частью истории, но стать подлинной наукой, подобной естественным, т.е. основывающейся на «методе» и сориентированной на «контроль» [15. С. 399].

Так, в 1925 году к этому времени избранный президентом АПСА Чарльз Мерриам продолжал ратовать за то, чтобы «социальная наука и естественная наука совместно осуществляли усилия для объединения их сил при выполнении величайшей задачи, с которой пока не сталкивалось человечество – интеллектуального понимания и контроля над человеческим поведением» [13. С. 12]. Он стремился направить политическую науку по пути, уже проложенному философией, социологией, психологией, антропологией и т.д. Это был путь, направленный на создание нового подхода, получившего в политических науках название бихевиорализма (бихевиеризма в психологии), предполагающего изучение политического поведения, а также применение количественных методов к изучению и сравнению политических объектов. Поэтому Чарльза Мерриама часто называют «отцом» бихевиорализма – более чем на протяжении жизни целого поколения возглавляемый им департамент в Чикагском университете оставался центром бихевиоралистского движения в политических науках.

Физика и другие естественные науки все более мощно входили в мир политики, а соответственно, и политологии, причем не только в Америке, но также и в Европе. Например, Уинстон Черчилль весьма внимательно следил за открытиями в физике, прекрасно понимая их потенциальное значение для политики. В 1927 году в статье «Совершим ли мы все самоубийство?», а также в эссе «Спустя пятьдесят лет...», написанном им в начале 1930-х гг., он высказал провидческое предположение о грядущем наступлении атомной эры, намекнув на скорое появление атомной бомбы – термин, который впервые был употреблен английским писателем Гербертом Уэллсом в фантастическом романе «Мир становится свободным» (Herbert Wells, "The World Set Free"), написанном еще в 1914 году. Писатель доказывал в своем романе и позднее в личном общении с Уинстоном Черчиллем, что законы физики – гравитация, энергия, движение, время должны быть положены в основу всех остальных наук, в число которых, очевидно, включал и науки социальные.

Не менее ярко эти подходы проявились в попытках заимствовать новые методы и типы политического мышления из квантовой физики. Так, Президент Американской ассоциации политических наук Вильям Беннетт Мунро (1875-1957), профессор Гарвардского университета и Калифорнийского технологического института, представил в 1927 году президентское обращение к участникам всеамериканского конгресса политологов под весьма характерным названием – «Физика и политика – пересмотрена старая аналогия». Остановимся на этом выступлении подробнее, так как оно имеет немаловажное значение для понимания дальнейших поисков соответствия между политическими и естественными науками.

По-видимому, не случайно профессор Мунро начал свое выступление с цитаты Уолтера Бэгхота (1826-1877) британского бизнесмена и журналиста, создателя и владельца знаменитого журнала "Экономист" и ряда других изданий. Не меньшую известность в свое время этот викторианский джентльмен получил как эссеист. В его библиографии важное место заняла книга «Физика и политика», изданная в 1872 году, в которой он рассмотрел роль естественных наук, которые он назвал «физикой»; и социальных наук – «политикой» в становлении человеческой цивилизации и, в особенно-

сти в обеспечении условий стабильности и социального прогресса. Это была первая заметная попытка применить достижения новых наук (в особенности дарвинизма) к изучению политики, переосмыслить сложные и зачастую трагические отношения между индивидом и коллективом, иначе говоря, определить истинный характер человека политического. По мнению ряда современных исследователей, например Роджера Кимбелла, написавшего предисловие к современному переизданию книги Бэгеота, именно политический характер человека позволил ему выйти за пределы «физики», иначе говоря из джунглей, и превратиться в «состоявшегося человека» [8].

По мнению Мунро, работа Бэгеота стимулировала начало осмысления влияния физики на политические идеи человечества, в частности, современные представления в отношении государства и правления. Но уже в начале XX века законы физики, на основе которых ученые предшествующего столетия выстроили законы и принципы развития, предстали как устаревшие. «Теперь уже ничто не остается твердым в старом смысле слова, ничто – статичным, ничто не могло бы быть преемственностью в процессе изменений» [14. С. 1].

Но это было только начало. Подлинной революцией в естественных науках стало рождение квантовой теории, с неизбежностью вызвавшая отголоски в других сферах познания. Наука начинается с того, что изменяет повседневность, и заканчивается трансформацией всей нашей организации в направлении социального космоса, – рассуждал далее Мунро.

Так, теория эволюции в свое время заставляла пересмотреть более старые идеи в отношении происхождения государства и правления, плотнее привязав политическую науку к истории. Как следствие, политологи начали рассматривать публичные институты как часть всего порядка вещей, подобно клетке в живом организме. Нечто подобное произошло и с вторжением новой физики в первой четверти XX столетия, заставившее вновь пересмотреть традиционные подходы политической науки, на основании которых были выстроены теории об отношениях индивида и правительства. Причем процесс этот был далеко не гладким.

Естественные науки, – говорил профессор Мунро, – прошли долгий путь со времен Галилея и Ньютона, в то время как многие политологи по-прежнему с удовольстви-

ем опираются на абстрактный формализм Локка, Монтескье, Бентама и других политических мыслителей раннего Модерна. Они по-прежнему рассуждают об абсолютных правах и обязанностях, старых аксиомах о суверенитете и общей воле, санкциях по законам, значении общественного мнения, массового поведения, равенстве мужчин и женщин, которые подаются как атомы, составляющие людское содружество. Политологи все еще привязаны к обожествлению индивидуального человека, они все еще основывают свои соображения на том, что может быть названо атомарной теорией политики, то есть подхода, когда все граждане обладают равным весом, объемом и ценностью, являются носителями равных абсолютных неотчуждаемых прав, выполняют равно абсолютные обязанности, им присущи атрибуты абсолютного суверенитета. Под влиянием идей, заимствованных из натуральной философии, мы продолжаем предполагать, – продолжал он свои рассуждения, – что политология становится наукой только в том случае, если она опирается на серию высших и зафиксированных равномерностей. Наше мышление все еще пронизано метафизическими принципами человеческой свободы, которым должна соответствовать вся правительственная практика. Тем самым Мунро поставил под вопрос чуть ли не все базовые концепты либерализма, вошедшие к этому времени в политическую науку чуть ли в качестве аксиом.

Изрядно эпатажив собравшихся ученых-политологов, Мунро продолжил: «До тех пор, пока социальный порядок был относительно простым, отсутствовали бесчисленные сложности, принесенные в него за последние полвека, эти старые формулы не выходили за пределы приемлемости со стороны рационального разума, подобно тому, как старые концепты естественных наук вполне удовлетворяли ученых с их лабораторными экспериментами. Сейчас же мы вошли в эпоху, когда огромная лаборатория мировой политики проводит эксперименты любого типа в неизмеримой скорости, а мы пытаемся объяснить нашу электронную динамику в духе механики – то есть практикой, которую ученые-естественники отвергли еще поколение назад.»

Американская философия, по его мнению, подняла индивидуального гражданина выше любого разумного объяснения. Национальной американской привычкой является представление о социальном кон-

троле и индивидуальной свободе в терминах враждебности людей друг к другу, иначе говоря, один человек может реализоваться только за счет другого. Подобно тому как каждая молекула в физике обусловлена и направляется другими, с которыми она взаимодействует, так и индивидуальный гражданин аналогично мотивирован и контролируется влиянием тех, с кем он взаимодействует. Эти влияния осуществляются не со стороны общества в целом, а со стороны его жизненной орбиты, то есть расы, религии, политической партии, профсоюза, клуба, газеты и всего остального. «Эти влияния столь всепроникающи, что для большинства наших граждан индивидуальная свобода – это не более чем миф». Следовательно, главной проблемой политической науки является не приспособление социального контроля к интересам индивидуальных граждан, а гарантирование и поддержание справедливого баланса между разными группами, к которым принадлежат индивиды» [14. С. 3].

Поэтому политологии пора начать соответствовать новой физике, обратив свое внимание на суб-атомарные возможности, – продолжал Мунро. Иными словами, мы должны отказаться от абсолютов, поскольку ничто не может быть более очевидным, чем предположение, что все гражданские права и обязанности, все формы и методы правления, связаны друг с другом, а также со временем, местом и обстоятельствами. Они не могут быть выражены нейтральными формулами. Социальная атмосфера, подобно физической вселенной, наполнена невидимыми единицами энергии, движущимися со всевозможной скоростью и проникающими во власть, оседающими то там, то сям, и через какое-то время отлетающими от человеческих атомов дальше. Вес индивида зависит от его способности воспринимать и отдавать дальше, то есть от числа и качества идей, которые он ассимилирует и отпускает. Отсюда – разнообразие отношений граждан к правительству.

Из сказанного Мунро вывел задачи политических наук как самостоятельной научной дисциплины. «Политическая наука, для того чтобы стать наукой, должна прежде всего добиться определенной степени развода с философами, юристами и психологами, с которыми она долгое время находилась в статусе полигамного брака, и перейти к собственному поиску истины» [14. С. 8]. И далее: «Наша ближайшая цель... должна заключаться в том, чтобы освободить

политическую науку от старых метафизических и юридических концептов, на которых традиционно она основывалась; аналогично очистить ее от влияния социологов и социальных психологов, которые, если бы шли своим путем, только еще глубже погрузили бы нас в трясину бессмысленной терминологии. Именно к естественным наукам мы можем с наибольшей выгодой обратиться в этот час транзита за предложениями по реконструкции наших постулатов и методов. Политическая наука должна заимствовать *по аналогии* (*курсив мой – ТАА*) из новой физики стремление избавиться от интеллектуальной неискренности в отношении природы суверенитета, общей воли, естественных прав и свободы индивида, согласия управляемых, правления большинства, самоуправления, правления общественного мнения, государственных прав, *laissez-faire* (*свободного предпринимательства – ТАА*), сдержек и противовесов, равенства людей и наций, и правления законов, а не людей» [14. С. 10].

Соответственно, вместо этих формул политическая наука должна стремиться найти концепты, которые выдержат тест на реальное соответствие, и на этой основе она должна начать перестраивать себя через практически интимные наблюдения происходящего в мире политики. Вывод Мунро содержал четкое указание на то, что по аналогии с новой физикой, политическая наука также должна повернуть часть своего внимания от крупномасштабных видимых механизмов политики к невидимым и вследствие этого во многом отрицаемым силам, которые на самом деле фундаментально приводят в действие и контролируют индивидуальных граждан и политику в целом.

Услышали ли политологи призывы Мунро столетней давности? Есть ощущение, во всяком случае, судя по многочисленным учебникам политологии зарубежным и отечественным, что пока еще нет. По-прежнему преобладают чеканные формулы и концепты, предполагающие заучивание их наизусть подобно мантрам. «Винновата» ли в этом сама квантовая физика, крайне трудная для восприятия социальными учеными и, по мнению многих, в том числе и физиков, «странная» наука; или же исторические обстоятельства – Всемирный экономический кризис, Вторая мировая и затем «холодная» война, сместившая интересы в другие сферы и требовавшие более простых ответов на текущие вопросы; или

же помноженная на леность ума трудная операционализация при новых подходах? Как бы там ни было, к идеям Мунро политологи начали вновь обращаться лишь в последние годы. Не случайно текст его выступления был сразу же отцифрован и стал доступен в интернете [14].

Тем не менее и в последующие годы натуралистский подход в политической теории все же сохранился, хотя обычно и в донеклассической форме. Время от времени он подвергался довольно серьезным «вызовам». Так, в 1960-е гг. такого рода «вызов» был брошен бихевиорализму, что привело к бурным научным дебатам по методологическим вопросам. Тем не менее позитивизм устоял и постепенно дебаты сошли на нет примерно к концу 1970-х гг.

Однако спустя десятилетие вспыхнули новые дискуссии, которые позднее назовут «Третьими Великими дебатами», начатые теоретиками-международниками на платформе постпозитивизма [11. С. 235-254]. Эти дебаты сыграли важную стимулирующую роль в появлении такого значимого течения в политической теории как конструктивизм. Следует заметить, что при вступлении в конструктивистский поток многие теоретики начинали с того, что заявляли о своем несогласии с антинатуралистской позицией. Так, А. Вендт подчеркивал: «В интеллектуальной деятельности, требуемой для объяснения процессов социального конструирования, нет ничего, что было бы эпистемологически отличным от интеллектуальной деятельности в естественных науках» [19. С. 90].

Но и «Третьи дебаты» отнюдь не положили конец дискуссиям вокруг проблем антинатурализма и натурализма не только в теории международных отношений, но и в политологии. Более того, вновь зазвучали мотивы, присутствовавшие у органицистов. Так, довольно известные международники Брюс Рассет и Джон Онил обратились к аналогии между количественным анализом в изучении проблем мира и эпидемиологическими исследованиями: «Для того чтобы понять некоторые из влияний, которые поддерживают или препятствуют межгосударственным конфликтам, мы будем использовать те же методы, которые применяют ученые-медики для того, чтобы понять причины заболевания. Все больше и больше ученые-международники применяют такие же научные методы для изучения причин войны» [16. С. 82]. Но не только причин, но и методов ее предотвращения.

До последнего времени почти не было работ, которые подчёркивали бы само значение квантовой теории для социальных наук. Одним из немногих исключений стало появление нескольких работ американских ученых Д. Зохар и И. Маршалла, попытавшихся применить некоторые идеи, взятые из квантовой физики, к сфере бизнеса и управления. Так, авторы утверждали, что социальная жизнь отнюдь не живет по законам классической физики, а представляет собой макроскопические квантово-механические феномены [20. С. 8]. Однако их книги относились к жанру научно-популярных и скорее представляли собой рассуждения *вокруг квантового подхода*, нежели серьезный научный анализ возможностей применения методов неклассической физики к социальной сфере.

Рубикон, однако, все же был преодолен. С начала 1990-х годов начали все чаще появляться работы, в которых механистическая ньютоновская картина мира в применении к международным отношениям и политологии, хотя поначалу и довольно робко, начала ставиться под сомнение. Многие положения, которые на протяжении жизни нескольких поколений воспринимались как данность, отныне ставились под вопрос.

«Прорывом» стала работа известного ученого-международника Александра Вендта, уже до появления его новой книги имевшего сильную репутацию как теоретика, в частности, как одного из «отцов-основателей» конструктивизма. Поэтому его работа 2015 года «Квантовый разум и социальная наука. Объединяя физическую и социальную онтологию» не могла остаться незамеченной в научном сообществе [18].

По-видимому, это наиболее заметная попытка рассмотреть социальную науку под углом зрения квантовой теории, поднять ее новый уровень теоретического плюрализма. В самом деле, без квантовой теории трудно было бы понять умножающуюся нелинейность процессов, развитие сетевых связей, начинающих теснить традиционную иерархию власти, гибридность войн, институтов, моделей. Эпоха неопределённости, размытости, трудно уловимой динамики, отказа от абсолютов и жестко зафиксированных концептов диктует необходимость фундаментального пересмотра самых оснований политического знания. В первом же абзаце книги Вендт обратил внимание на то, что практически с момента

своего появления как академической дисциплины в 1919 году характерной чертой Теории международных отношений стали «Великие дебаты», иначе говоря, объяснение отношений между идеями и материальными условиями, человеческой деятельностью и социальными структурами, натуралистским и антинатуралистским способом исследования [18. С. 1]. С интеллектуальной точки зрения они структурируют наше содержательное теоретизирование, методы, эмпирические открытия, и, наконец, нормативные и политические воплощения, которые мы строим на основе нашего исследования. Вендт не усмотрел никакого прогресса в решении международных вопросов на теоретическом уровне за последние четверть века. Не только ТМО, но все социальные науки, по его мнению, продолжают оставаться в «Земле смятения», бегства из которой все еще не видно за горизонтом¹.

Приходится признать поэтому, что результаты попыток политологов пойти по пути своих собратьев-естественников пока еще отличаются известной скромностью. И хотя многие работы содержат интересные наблюдения, если не прозрения, натуралистическое направление в политических науках все же так и не смогло стать стабильной, солидной и последовательной парадигмой, которая бы соответствовал парадигмам естествознания в периоды «нормальной науки», как об этом писал Томас Кун [10].

Это объясняется не только некоторой размытостью, противоречивостью и мощным драйвом в сторону интуитивной практичности политических наук. Существенно более важно настойчивое убеждение довольно большого числа ученых в фундаментальных различиях между естественными и социальными науками в контексте отношений между целью исследования и анализом, ценностями и фактами.

На сущность этого различия социальные теоретики обращали внимание неоднократно. Например, еще до начала Второй мировой войны такой известный теоретик-международник и историк, как Эдвард Карр в своей знаменитой работе «Двадцатилетний кризис, 1919-1939. Введение к исследованию международных отношений», положившей начало многолетним дебатам (Первым дебатам) между политическим ре-

ализмом и идеализмом, указывал, что всякое научное исследование проистекает из цели человека. Цель здоровья создала медицину, цель перехода через реку, строительство мостов – инженерное дело; желание исцелить «политическое тело» – политическую науку. Карр писал, что в физических науках различие между изучением фактов и целью, с которой эти факты рассматриваются, связано не только с тем, что они теоретически значимы, но и с тем, что они постоянно наблюдаемы на практике. Их невозможно изменить. В политической науке, связанной с поведением человека, таких фактов не существует. Политолог-исследователь всегда сориентирован на исцеление болезни «политического тела», и это становится еще одним фактом в процессе исследования, поэтому цель и анализ становятся частями единого процесса [9. С. 3-4]. Более того, политолог – сам часть социального мира – того же, куда включены другие люди, относительно которых он размышляет. Более того, между ними и исследователем может возникнуть обратная связь.

Конечно, Карр не был первым из крупных мыслителей, поставившим под вопрос единство наук. Еще в XIX веке об этом же писал немецкий философ Вильгельм Дильтей, а в следующем столетии Макс Вебер, Ганс-Георг Гадамер, Мишель Фуко, Энтони Гидденс, Пьер Бурдьё и многие другие крупнейшие мыслители. При всех различиях в их взглядах, им было присуще скептицизм и убеждение в том, что объектами социальных наук являются думающие и рефлектирующие в отношении самих себя и социального мира как окружающей среды. Это положение имеет фундаментальное значение. Именно саморефлексия меняет то, как люди понимают себя и свой мир и, следовательно, как они действуют в мире. Саморефлексия, таким образом, «делает человеческое поведение значительно более нерегулярным и непредсказуемым, чем поведение других форм жизни или неорганических форм, имеющих к этому отношение» [17. С. 11].

Соответственно, это сказывается на отношениях между естественными и социально-политическими науками. Они постоянно варьируются: то сближаясь, то расходясь, иной раз развиваясь параллельно, в том случае мы говорим скорее о взаимовлиянии, хотя и асимметричном.

¹ «Земля смятения» – знаменитый хит 1986 года британской рок-группы «Генезис».

Результаты исследования и выводы

Дело в том, что чаще, вследствие приоритетного влияния естественно-научного знания на формирование картины мира, социальные науки выступают скорее в роли реципиентов. Значительная часть, даже хорошо адаптированных методов в политической науке и теории международных отношений, в сущности вторичны – заимствованы из других областей, в ряде случаев естественно-научного знания, и в основном из других дисциплин социальных наук. Фактически ни теория международных отношений, ни политическая наука в целом не обладают методологической специфичностью в плане формулирования и применения концептов и научных проблем. Кроме того, как правило, речь идет все же не о буквальной трансляции естественно-научного знания в социальную сферу (хотя попытки такого рода продолжают предприниматься), а скорее о влиянии сходных утверждений, более или менее отражающих основные черты преобладающей картины мира.

Кроме того, многое зависит и от самих социальных и политических наук, в частности, от онтологических и эпистемологических оснований той или иной «школы» в теории международных отношений или политологии. Так, политические реалисты убеждены, что естественно-научное знание оказывает влияние на распределение потенциалов акторов. Неолибералы видят в них причину системных изменений и организации новых международных акторов и проблем. Конструктивисты, в отличие от большинства реалистов и либералов, вообще не признают инновационно-технологический детерминизм. Они рассматривают роль технологий в международных отношениях и политике через линзы социально определенных потребностей, норм

и ценностей, определяющих курс технологического развития, а не отражающих его. Технология рассматривается как инструмент человеческой деятельности, а не как результат структуры, детерминированной технологиями [3. С. 66-80].

Плюрализм политического знания, его постоянная изменчивость и подвижность с неизбежностью позволяют воспринимать его как «продукт в процессе», сочетающий в себе как традиционные методы познания, так и попытки радикального обновления в соответствии с изменяющейся картиной мира. Другое дело, что присутствует и изрядный консерватизм, в ряде случаев даже догматизм, не позволяющий или как минимум затрудняющий следующие шаги в познании мира политического. Как подчеркивает отечественный исследователь О.В. Гаман-Голутвина, «существенное несоответствие между субстантивными характеристиками актуальной НКМ и используемыми в политической науке методологическими подходами и инструментарием определяет ее нынешнее состояние, которое автор не рассматривает как критическое, но характеризует как нуждающееся в существенном обновлении» [2. С. 20-21]. Это очень точное замечание.

Тем не менее, приходится сделать вывод о том, что адаптация политических наук к новым научным картинам мира неизбежна, но по определению ограничена: при всем единстве знания как такового их методы и инструменты весьма различны и даже в процессе приспособления претерпевают столь значительные изменения и упрощения, что зачастую сохраняют лишь наименования и имитацию методологии других наук. И все же, как минимум, придется следовать сходным курсом. Но некоторая осторожность здесь все же не помешает.

Литература:

1. Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. М., 2019.
2. Гаман-Голутвина О.В. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // ПОЛИС (Политические исследования). 2019. № 5.
3. Голубев Д. Наука и инновации в теориях международных отношений // Международные процессы. Т. 13. № 2. 2019.
4. Добрускин М.Е. Единство научного знания – закономерность развития науки» // Философия и общество. 2003. № 2 (31) // <https://www.socionauki.ru/journal/articles/255345/>
5. Зохар Дана. Квантовый лидер. Революция в мышлении и практике бизнеса. София, 2017.
6. Хайдеггер М. Время картины мира - Новая технократическая волна на Западе. М., 1993.

7. Эйнштейн А., Инфельд Л., Эволюция физики. Развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квантов. М., 1965. Цит. по: Vikent.ru.
8. Bagehot, Walter. Physics and Politics or Thoughts on the Application of the Principles of Natural Selection and Inheritance to Political Society. Kitchener: Batoche Books, 2001.
9. Carr, Edward H. The Twenty Years' Crises, 1919-1939. An Introduction to the Study of International Relations. NY: Harper Torchbook, 1964.
10. Kuhn, Thomas. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
11. Lapid, Yosef. The Third Debate: On the Prospects of International Theory in a Post-Positivist Era // International Studies Quarterly. September 1989. № 33.
12. Lowell. The "Physiology of Politics" // American Political Science review. February 1910. № 4; Ross, Dorothy. The Origins of American Social Science. NY: Cambridge University Press, 1991.
13. Merriam, Charles. Progress in Political Research // American Political Science Review. 1926. February.
14. Munro, William Bennett. Physics and Politics - an Old Analogy Revised // The American Political Science Review. February 1928. Vol. XXII. No 1 // <https://www.cambridge.org/core/content/view>
15. Ross, Dorothy. The Origins of American Social Science. NY: Cambridge University Press, 1991.
16. Russett, Bruce and John Oneal. Triangulating Peace: Democracy, Interdependence, and International Organizations, NY: W.W. Norton, 2001.
17. Thiele, Leslie Paul. Thinking Politics: Perspectives in Ancient, Modern, and Postmodern Political Theory. NY: Seven Bridges, 2003.
18. Wendt, Alexander. Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
19. Wendt, Alexander. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
20. Zohar, Danah; Marshall, Ian. The Quantum Society: Mind, Physics, and a New Social Vision. New York: Bloomsbury Publishing. 1994.

NATURALISM AND POLITICAL SCIENCE: ADAPTATION TO THE NON-CLASSICAL WORLD PICTURE

Introduction. *One of the greatest achievements of the humanity is obviously the recognition of the systematic unity of the natural and social knowledge. However, this recognition was not constant. The emergence, development and history of political sciences reflected it rather evidently, tending to go from one extreme to another – from identifying its methods with those of positive science to pretending to be unique or even universal. All these questions acquired special importance in the new non-classical world, but the adaptation of political sciences to a new type of thinking meets considerable difficulties.*

Methods of study. *The main method of the study is comparative analysis of the variations to connect philosophical and substantive (ontological and epistemological) tools with political and applied ones of researching political and international political processes and phenomena. Moreover, the authors also used the interpretation approach.*

Results. *The analysis of the most significant approaches towards the political and international processes demonstrate that the acceptance of the new postulates of non-classical and post-non-classical pictures of the world is quite complicated. Simultaneously with the preservation of the pure*

mechanistic, approach some of the elements of the new world pictures were taken from quantum physics, biology. The chance factor and the rejection of the casual relationships were also taken into consideration. Nevertheless, it is better to speak not about the transfer of the methods and approaches from natural to political sciences, but about the attempts to build "weak" theories or analogues of theories (for instance, quantum-like theories). Nevertheless, generally speaking, political as well as other social sciences tend to be developing capturing the zeitgeist.

Discussion and Conclusions. *The adaptation of political sciences to new scientific pictures of the world is inevitable, but limited by definition: for all unity of knowledge as such, their methods and tools are very different and even undergo such significant changes and simplifications in the process of adaptation that they often retain only the names and imitations of the methodologies of other sciences. And yet, at least we have to go in parallel. But some caution here would not hurt at all.*

Tatiana A. Alekseeva,
Dr. of Philosophy, Professor,
Honored Scholar of the Russian

Federation, Head of the Department of
Political theory, MGIMO-University under
the MFA of Russia

Aleksandr P. Mineyev,
Dr of Physics and Mathematics,
Professor, Department of Political Theory,
MGIMO-University under the MFA of Russia

Ключевые слова:

научная картина мира, «классическая»
картина мира, «неклассическая картина
мира», позитивизм, квантовый подход

Keywords:

scientific world picture, "classical" world
picture, | non-classical world picture,
positivism, quantum attitude

References:

1. Alekseeva T.A., 2019. Teoriya mejdunarodnyh otnoshenij kak politicheskaya filosofiya i nauka [Theory of International Relations as political philosophy and science]. Moscow.
2. Gaman-Golutvina O.V., 2019. Preodolevaya metodologicheskie razlichiya: spory o poznanii politiki v epohu neopredelennosti [Overcoming the methodological differences: the discussions about the cognition of politics in the epoch of uncertainty]. *POLIS (Politicheskie issledovaniya) [POLIS- Political Studies]*. № 5.
3. Golubev D., 2019. Nauka i innovacii v teoriyah mejdunarodnyh otnoshenij [Science and innovations in the theories of international relations]. *Mejdunarodnye process [International processes]*. Vol. 13. № 2.
4. Dobruskin M.E., 2003. Edinstvo nauchnogo znaniya – zakonomernost razvitiya nauki [Unity of the scientific knowledge – the regularity of the science development]. *Filosofiya i obshchestvo [Philosophy and Society]*. № 2 (31). URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/255345/>
5. Zohar Dana, 2017. Kvantovyy lider. Revolyuciya v myshlenii i praktike biznesa [The Quantum Leader. Revolution in the thinking and business practice]. Sofiya.
6. Hajdegger M., 1993. Vremya kartiny mira - Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade [Time of the world picture – The New technological wave in the West]. Moscow.
7. Ejnshtejn A., Infeld L., 1965. Evolyuciya fiziki. Razvitie idej ot pervonachalnyh ponyatij do teorii odnositel'nosti i kvantov [The evolution of physics. The development of the ideas from the initial meanings to the theory of relativity and quants]. Moscow. Citing: Vikent.ru
8. Bagehot, Walter., 2001. Physics and Politics or Thoughts on the Application of the Principles of Natural Selection and Inheritance to Political Society, Kitchener: Batoche Books
9. Carr, Edward H., 1964. The Twenty Years' Crises, 1919-1939. An Introduction to the Study of International Relations. NY: Harper Torchbook.
10. Kuhn, Thomas, 1970. The Structure of Scientific Revolutions, Chicago: University of Chicago Press.
11. Lapid, Yosef, 1989. The Third Debate: On the Prospects of International Theory in a Post-Positivist Era. *International Studies Quarterly*. September. № 33.
12. Lowell, 1910. The "Physiology of Politics". *American Political Science review*. February. № 4; Ross, Dorothy, 1991. The Origins of American Social Science. NY: Cambridge University Press.
13. Merriam, Charles, 1926. Progress in Political Research. *American Political Science Review*. February.
14. Munro, William Bennett, 1928. Physics and Politics- an Old Analogy Revised. *The American Political Science Review*. February. Vol. XXII. No 1. URL: <https://www.cambridge.org/core/content/view>
15. Ross, Dorothy, 1991. The Origins of American Social Science, NY: Cambridge University Press.
16. Russett, Bruce and John Oneal, 2001. Triangulating Peace: Democracy, Interdependence, and International Organizations, NY: W.W. Norton.
17. Thiele, Leslie Paul, 2003. Thinking Politics: Perspectives in Ancient, Modern, and Postmodern Political Theory, NY: Seven Bridges.
18. Wendt, Alexander, 2015. Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Wendt, Alexander, 1999. Social Theory of International Politics, Cambridge: Cambridge University Press.
20. Zohar, Danah; Marshall, Ian, 1994. The Quantum Society: Mind, Physics, and a New Social Vision. New York: Bloomsbury Publishing.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ - ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Ольга Гликман*
Азиза Назарова**

DOI 10.24833/2073-8420-2020-1-54-28-35

Введение. Энергетическое сотрудничество государств – членов Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС и члены ЕАЭС) играет важнейшую роль в рамках евразийской экономической интеграции. Члены ЕАЭС ставят своей целью создание общих энергетических рынков Союза к 2025 г.

В правовой доктрине существуют различные мнения относительно правовой природы ЕАЭС и права ЕАЭС, имеющие значение для анализа международно-правовых аспектов сотрудничества членов ЕАЭС в сфере энергетики, а также отмечается формирование энергетического права ЕАЭС.

В статье анализируются энергетические положения Договора о Евразийском экономическом союзе, роль национального законодательства и двусторонних международных договоров членов ЕАЭС в сфере энергетики.

Материалы и методы. В исследовании использованы акты права ЕАЭС, предшествующие акты ЕврАзЭС, двусторонние международные договоры членов ЕАЭС в сфере энергетики, работы виднейших авторов, затрагивающие вопросы евразийской интеграции. Методологическую основу исследования составили следующие теоретические методы познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, а также специальные методы познания правовых явлений и процессов: сравнительно-правовой и формально-юридический.

Результаты исследования. В исследовании обобщены акты права ЕАЭС в сфере энергетики различной правовой природы, выделены пробелы и недостатки энергетических положений Договора о Евразийском экономическом союзе, выявлены различия в подходах ЕАЭС и ЕврАзЭС, проанализированы положения Договора относительно национального законодательства и двусторонних международных договоров членов ЕАЭС в сфере энергетики.

* **Гликман Ольга Владимировна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: glikman@mail.ru.
ORCID ID: 0000-0002-9243-9787

** **Назарова Азиза Улугбековна**, соискатель кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: nazarazizaa@gmail.com.
ORCID ID: 0000-0003-3136-1143

***Обсуждение и заключение.** Акты права ЕАЭС в сфере энергетики рассматриваются как энергетическое право ЕАЭС, которое наряду с энергетическим правом Европейского союза является частью международного энергетического права.*

Выявленные пробелы и недостатки энергетических положений Договора о Евразийском экономическом союзе могут быть использованы для совершенствования энергетического права ЕАЭС.

Несмотря на развитие многостороннего регулирования энергетического сотрудничества посредством актов права ЕАЭС, направленных на формирование общих энергетических рынков ЕАЭС, в сфере энергетики сохраняется значение национального законодательства членов ЕАЭС и потребуются большая работа по его гармонизации и унификации. Кроме того, большое значение по-прежнему имеют двусторонние международные договоры членов ЕАЭС, регулирующие энергетическое сотрудничество.

Введение

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., вступивший в силу 1 января 2015 г. (далее – Договор), учредил ЕАЭС как международную организацию региональной экономической интеграции, обладающую международной правосубъектностью, в рамках которой обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза (ст. 1 Договора). Из Договора следует, что степени сближения политики в различных отраслях экономики и вопросах могут отличаться, однако различие между скоординированной политикой, согласованной политикой и единой политикой не уточняется.

Обеспечение евразийской экономической интеграции осуществляется на основе права Союза, которое согласно ст. 6 Договора включает: Договор, международные договоры в рамках Союза и Союза с третьей стороной, а также акты органов Союза.

В настоящее время участниками Договора (с последующими изменениями) – членами ЕАЭС являются пять государств: Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия. С 2018 г. статусом государства – наблюдателя ЕАЭС обладает Молдавия.

В российской международно-правовой доктрине значительное внимание уделяется исследованию евразийской экономической интеграции «в контексте процессов глобализации и регионализации», которая «является

важным параметром современного развития общества и науки» [5. С. 240]; международной правосубъектности ЕАЭС как «международной (межгосударственной) организации или международного (межгосударственного) интеграционного объединения» [2. С. 14]; формированию права ЕАЭС и его правовой природы. По мнению ряда авторов, категория «право Союза»... отражает международно-правовую модель регулирования интеграционного процесса» [4. С. 61], а его правовая природа основана «на передаче государствами властных полномочий» [10. С. 55]. Дискуссии ведутся в контексте «интеграционного права» [6. С. 134] и «права евразийской интеграции» [1. С. 117]. Подчеркивается, что «является вполне целесообразным» заимствовать положительный опыт ЕС [3. С. 14]. Объем международно-правовых исследований энергетического сотрудничества членов ЕАЭС незначителен.

Исследование

Энергетические положения Договора о Евразийском экономическом союзе. Вопросам энергетики посвящен раздел XX Договора. Согласно ст. 79 Договора к целям энергетического сотрудничества членов ЕАЭС отнесены: 1) эффективное использование потенциала топливно-энергетических комплексов государств-членов и 2) обеспечение национальных экономик основными видами энергетических ресурсов (электроэнергия, газ, нефть и нефтепродукты). Именно в этих целях члены ЕАЭС: 1) развивают долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество в сфере энергетики; 2) проводят скоордини-

рованную энергетическую политику; 3) осуществляют поэтапное формирование общих рынков энергетических ресурсов.

В ст. 79 Договора также сформулированы основные принципы энергетического сотрудничества: 1) обеспечение рыночного ценообразования на энергетические ресурсы; 2) обеспечение развития конкуренции на общих рынках энергетических ресурсов; 3) отсутствие препятствий в торговле энергетическими ресурсами, соответствующим оборудованием, технологиями и связанными с ними услугами; 4) обеспечение развития транспортной инфраструктуры общих рынков энергетических ресурсов; 5) обеспечение недискриминационных условий для хозяйствующих субъектов государств-членов на общих рынках энергетических ресурсов; 6) создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в энергетический комплекс государств-членов; 7) гармонизация национальных норм и правил функционирования технологической и коммерческой инфраструктуры общих рынков энергетических ресурсов.

Таким образом, в энергетике из трех предусмотренных в ст. 1 Договора степеней сближения указана «скоординированная политика», т.е. самая минимальная степень, что свидетельствует об определенной сдержанности членов ЕАЭС в этом вопросе.

Примечательно также, что эти обязательства должны осуществляться «с учетом обеспечения энергетической безопасности». При этом само столь важное понятие «энергетическая безопасность» не раскрывается в Договоре, не уточняется, о чьей энергетической безопасности идет речь: ЕАЭС или членов ЕАЭС (что не одно и то же). Если речь идет об энергетической безопасности ЕАЭС, это понятие требует согласования. Если имеется в виду энергетическая безопасность членов ЕАЭС, то каждый член сохраняет право самостоятельно определять понятие собственной энергетической безопасности и не исключена возможность различий в позициях членов ЕАЭС по данному вопросу.

Обеспечение энергетической безопасности не включено и в число основных принципов энергетического сотрудничества. Для сравнения: в ряде двусторонних международных договоров России в сфере энергетики к основным принципам, которыми должны руководствоваться государства, отнесена «энергетическая безопасность для всех независимых потребителей и поставщиков нефти и газа» (ст. 1 Соглашения между Правительством Российской Федера-

ции и Правительством Республики Индии о развитии сотрудничества в нефтегазовой сфере 2010 г.) или «энергетическая безопасность для всех потребителей и поставщиков электроэнергии» (ст. 1 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики о сотрудничестве в области электроэнергетики 2015 г.).

Принципиальное значение имеет то, что в ст. 79 Договора речь идет о формировании не энергетического рынка ЕАЭС в целом, а трех «общих рынков энергетических ресурсов», причем не всех видов энергетических ресурсов, а только указанных в Договоре в качестве основных: электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов.

Три приложения к Договору непосредственно посвящены энергетическому сотрудничеству в трех отраслях энергетики:

Приложение № 21. Протокол об обеспечении доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере электроэнергетики, включая основы ценообразования и тарифной политики (далее – Протокол об электроэнергетике);

Приложение № 22. Протокол о правилах доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере транспортировки газа по газотранспортным системам, включая основы ценообразования и тарифной политики (далее – Протокол о газе);

Приложение № 23. Протокол о порядке организации, управления, функционирования и развития общих рынков нефти и нефтепродуктов (далее – Протокол о нефти).

Очевидно, что изначально только в наименовании Протокола о нефти был затронут «общий рынок», наименования других протоколов по смыслу гораздо уже. Подписанный 29 мая 2019 г. Протокол о внесении изменений в Договор (в части формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза) закрепляет новые наименования ст. 81 Договора – «Формирование, функционирование и развитие общего электроэнергетического рынка Союза» и Протокола об электроэнергетике – «Протокол об общем электроэнергетическом рынке Евразийского экономического союза», а также принципы его формирования, правила функционирования, субъекты, способы осуществления торговли электрической энергией. Протокол 2019 г. пока не вступил в силу.

В разделе XX Договора предусмотрено принятие концепций, программ, специальных международных договоров по форми-

рованию трех общих энергетических рынков, а также методологии формирования индикативных (прогнозных) балансов газа, нефти и нефтепродуктов. Сейчас ведется работа по подготовке обязательных актов (правил) по отдельным вопросам создания общих рынков Союза. Принятие и вступление в силу международных договоров по формированию общих рынков газа, а также нефти и нефтепродуктов планируется не позднее 1 января 2025 г. Эксперты прогнозируют, что общий электроэнергетический рынок Союза начнет полномасштабно функционировать ранее этой даты.

В протоколах прослеживается связь с международными договорами, заключенными в рамках формирования Таможенного союза и ЕврАзЭС в сфере энергетики, которые фактически заложили правовую основу интеграции в данной сфере, но прекратили действие в связи со вступлением в силу Договора.

Примечательно также, что согласно Концепции формирования общего энергетического рынка государств – членов ЕврАзЭС (приложение к Решению Межгоссовета ЕврАзЭС от 12 декабря 2008 г. № 402) «общий энергетический рынок» включал в себя: общий электроэнергетический рынок, общий рынок нефти, общий рынок газа, общий рынок угля. Таким образом, изначальный подход был иным – создание общего энергетического рынка в целом, включающего также и угольную отрасль.

Вопрос об основных терминах в сфере энергетики, использованных в Договоре, заслуживает отдельного внимания. В ст. 79 Договора за основу взят термин «энергетические ресурсы», что вполне юридически оправдано, поскольку акцент сделан на формирование общих рынков, а не регулирование природоресурсной деятельности. Из ст. 79 следует, что энергетические ресурсы разделяются на основные и неосновные, но такое деление небесспорно. В ст. 104 Договора, посвященной переходным положениям в отношении раздела XX, указываются межгосударственные поставки «топливно-энергетических ресурсов». Кроме того, в самом разделе XX в рамках одного рынка речь идет о газе, а в рамках другого – о нефти и нефтепродуктах (для сравнения: в Концепции ЕврАзЭС использовался термин «общий рынок нефти»). В п. 2 Протокола о порядке взимания косвенных налогов и механизме контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг (Приложение № 18) в понятие «товар» включены реализуемые или предназначенные

для реализации «все виды энергии». Группа 27 Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (утверждена решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 г. № 54) называется «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные».

Безусловно, в нормах международного права, национальных правовых актах и правовой доктрине нет единства относительно четкой дифференциации терминов «энергетические ресурсы», «топливно-энергетические ресурсы», «природные ресурсы», «виды энергии», «энергетические материалы и продукты», «углеводороды», «минеральное сырье» и др. Однако представляется, что в рамках Договора (последующих изменениях) и права ЕАЭС в целом нужно более глубоко подойти к вопросу основных терминов в сфере энергетики и стремиться к терминологическому единообразию и системности.

Договором не затронута атомная энергия. Безусловно, сотрудничество в сфере мирного использования атомной энергии довольно успешно регулируется действующими универсальными и двусторонними международными договорами, в которых участвуют члены ЕАЭС. Однако не до конца ясен вопрос, нужны ли в Договоре специальные положения по мирному использованию атомной энергии или же необходимо оставить этот предмет за рамками Договора. Примечательно, что согласно Договору к Энергетической хартии 1994 г. «энергетические материалы и продукты», торговля и транзит которых регулируется данным международным договором, включают продукты ядерной энергетики. Атомная энергетика также не исключена из сферы компетенций ЕС.

К сожалению, в Договоре вообще не содержится положений о сотрудничестве в области возобновляемой энергетики (солнечной энергии, энергии ветра, геотермальной энергии, энергии воды, биоэнергии). При этом согласно наименованию раздела XX и в п. 1 ст. 79 речь идет о сотрудничестве в сфере энергетики в целом, а не только сотрудничестве в формировании рынков основных энергетических ресурсов. Кроме того, закрепленные принципы касаются ценообразования на энергетические ресурсы и привлечения инвестиций в энергетический комплекс, а не на общие рынки. По ряду объективных причин сотрудничество членов ЕАЭС в области возобновляемой энергетики на региональном и двустороннем уровнях не развито, но пер-

спективы развития возобновляемой энергетики огромны. Представляется, что в связи с этим и с учетом опыта ЕС в данной сфере в дальнейших изменениях Договора необходимо уделить внимание этому вопросу.

В Договоре не уделено должного внимания и вопросу энергоэффективности. В ст. 79 Договора указывается, что сотрудничество в сфере энергетики осуществляется «в целях эффективного использования потенциала топливно-энергетических комплексов государств-членов». Согласно ст. 52 Договора, посвященной техническим регламентам Союза и стандартам, данные акты принимаются «в целях обеспечения энергетической эффективности и ресурсосбережения». При этом ни энергоэффективность, ни ресурсосбережение не включены в число принципов, закрепленных в ст. 79 Договора.

Национальное законодательство членов ЕАЭС в сфере энергетики

Большая роль в сфере энергетики по-прежнему отводится законодательству членов ЕАЭС. Это подтверждается п. 2 ст. 79 Договора, согласно которому к отношениям хозяйствующих субъектов государств-членов, осуществляющих свою деятельность в сферах электроэнергетики, газа, нефти и нефтепродуктов, не урегулированным разделом XX, применяется законодательство государств-членов. Иной подход к субъектам и соотношению Договора и национального законодательства закреплен в п. 11 Протокола о газе, предусматривающем, что к отношениям государств-членов в сфере транспортировки газа, не урегулированным Договором, применяется законодательство государств-членов. В целом в рассматриваемых протоколах отсылки к национальному законодательству по ряду вопросов многочисленны. Так, п. 7 Протокола о нефти закрепляет, что тарифы на услуги по транспортировке нефти и нефтепродуктов по системам транспортировки нефти и нефтепродуктов устанавливаются в соответствии с законодательством каждого государства-члена. П. 2 новой редакции Протокола об электроэнергетике предусматривает, что межгосударственная передача электрической энергии (мощности) в целях исполнения обязательств в отношении субъектов электроэнергетики третьих государств регулируется законодательством государства-члена, через территорию которого осуществляется межгосударственная передача электрической энергии (мощности).

Одним из основных принципов, установленных в ст. 79 Договора, является «гар-

монизация национальных норм и правил функционирования технологической и коммерческой инфраструктуры общих рынков энергетических ресурсов», но не гармонизация национального законодательства в сфере энергетики в целом. Этот подход не совпадает с подходами, закрепленными в рассматриваемых протоколах относительно гармонизации и унификации законодательства, которые, в свою очередь, тоже неединообразны. В п. 4 новой редакции Протокола об электроэнергетике поэтапная гармонизация законодательства государств-членов в сфере электроэнергетики отнесена к принципам формирования, функционирования и развития общего электроэнергетического рынка Союза. В Протоколе о газе и Протоколе о нефти аналогичных положений о поэтапной гармонизации нет; однако в число принципов формирования общих рынков включена «унификация норм и стандартов» на газ, нефть и нефтепродукты государств-членов соответственно (п. 3). Следовательно, данные положения протоколов не согласуются со ст. 79 Договора, а предметы (вопросы) гармонизации или унификации отличаются еще и в зависимости от рынков.

Двусторонние международные договоры членов ЕАЭС в сфере энергетики

Очевидно, что на фоне развития правового регулирования в сфере энергетики в рамках ЕАЭС двусторонние договоры между членами ЕАЭС в сфере энергетики продолжают играть весьма существенную роль.

Раздел XX Договора не содержит общих положений относительно двусторонних международных договоров членов ЕАЭС в сфере энергетики.

Согласно ст. 6 Договора двусторонние международные договоры членов ЕАЭС не входят в право ЕАЭС. В настоящее время они регулируют такие важнейшие вопросы двустороннего сотрудничества, как поставка энергетических ресурсов, порядок формирования цен, порядок уплаты и зачисления вывозных таможенных пошлин при поставке энергетических ресурсов, взаимодействие при эксплуатации магистральных трубопроводов, обеспечение параллельной работы энергетических систем, осуществление строительства энергетических объектов, совместная эксплуатация трансграничных месторождений и др. Ряд из этих вопросов непосредственно связан с формированием общих энергетических рынков.

Согласно п. 13 Протокола о газе и п. 12 Протокола о нефти на период до вступления

в силу международных договоров о формировании соответствующих общих рынков Союза подтверждено действие двусторонних соглашений, заключенных между государствами-членами «в области поставок газа» и «в области поставок нефти и нефтепродуктов, определения и порядка уплаты вывозных таможенных пошлин...».

Ст. 114 Договора закрепляет, что он «не препятствует заключению государствами-членами международных договоров, не противоречащих целям и принципам настоящего Договора» (п. 1). При этом «двусторонние международные договоры между государствами-членами, предусматривающие более глубокий по сравнению с положениями настоящего Договора или международных договоров в рамках Союза уровень интеграции или предоставляющие дополнительные преимущества в пользу их физических и (или) юридических лиц, применяются в отношениях между заключившими их государствами и могут заключаться при условии, что не затрагивают осуществление ими и другими государствами-членами своих прав и выполнение обязательств по настоящему Договору и международным договорам в рамках Союза» (п. 2). Таким образом, закреплён приоритет Договора и международных договоров в рамках Союза по отношению к указанным двусторонним международным договорам между государствами-членами.

Положение о том, что такие двусторонние международные договоры применяются в отношениях между заключившими их государствами, представляются избыточными (это и так вытекает из правовой природы двусторонних международных договоров). Из положений об условии заключения таких договоров следует, что на этапе разработки соответствующие государства самостоятельно определяют, насколько проект двустороннего договора удовлетворяет этому требованию. Однако может возникнуть проблема, когда позиции (относительно удовлетворения этим условиям) государств – участников заключенного двустороннего договора и иных членов ЕАЭС могут не совпасть.

За рамками п. 2 ст. 114 Договора остались аналогичные по предмету и содержанию трехсторонние и четырехсторонние международные договоры членов ЕАЭС.

Результаты исследования

Энергетические положения Договора нельзя охарактеризовать как комплексные. Они не посвящены регулированию много-

стороннего энергетического сотрудничества членов ЕАЭС в широком смысле, а лишь закрепляют цели и отраслевые принципы энергетического сотрудничества, а также формирование трех общих рынков энергетических ресурсов. С другой стороны, в ст. 79 Договора предусмотрено проведение скоординированной политики (наименьшая степень сближения). Такая концепция отличается от изначальной концепции ЕврАзЭС, предусматривающей создание общего энергетического рынка в целом.

К пробелам и недостаткам энергетических положений Договора можно отнести отсутствие комплексного подхода и единообразия в использовании основных терминов в сфере энергетики, недоработки относительно энергетической безопасности, возобновляемых источников энергии, энергоэффективности и ресурсосбережения.

Не решен комплексно вопрос о гармонизации и унификации законодательства членов ЕАЭС в сфере энергетики, что представляется необходимым для эффективного функционирования общих энергетических рынков Союза.

Сохраняется значение двусторонних международных договоров членов ЕАЭС в регулировании ряда существенных вопросов энергетического сотрудничества.

Заключение

С учетом закреплённого в ст. 6 Договора понятия «право Союза» основные положения Договора, приложения к Договору в сфере энергетики и принятые акты органов Союза в сфере энергетики позволяют сделать вывод о формировании энергетического права ЕАЭС. Данная тенденция отмечается отдельными представителями правовой доктрины [9. С. 18; 7. С. 45]. По мнению В.В. Романовой, нормы энергетического права ЕАЭС «будут иметь большое значение для дальнейшего развития международного энергетического права, формирования современного международного энергетического правопорядка» [8. С. 18].

Действительно, энергетическое право Евразийского экономического союза наряду с энергетическим правом Европейского союза может квалифицироваться как комплекс региональных международно-правовых норм, регулирующих сотрудничество в сфере энергетики (как часть международного энергетического права).

Развитие и эффективность энергетического права ЕАЭС будет тесно зависеть от

политической воли членов ЕАЭС, степени их реальной заинтересованности в укреплении энергетического сотрудничества в рамках ЕАЭС и добросовестной реализации принятых программ ЕАЭС на практике. В связи с огромным политическим и экономическим значением евразийской интеграции следует усовершенствовать существующие

подходы правового регулирования в сфере энергетики, учитывая недостатки и пробелы Договора, положительный опыт ЕС, а также правовые риски, связанные с распространением энергетического права ЕС на территории евразийских государств, не являющихся членами ЕС.

Литература:

1. Ануфриева Л.П. О некоторых теоретических подходах к праву евразийской интеграции и ее институционализации // Lex russica. 2017. № 9. С. 116-126.
2. Бекашев К.А. ЕАЭС: Международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное объединение? // Евразийский юридический журнал. 2014. № 11. С. 14-16.
3. Бирюков М.М. Европейский союз, Евроконституция и международное право. Монография. М., 2006.
4. Капустин А.Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 59-69.
5. Каширкина А.А., Морозов А.Н. Развитие евразийской интеграции в контексте процессов глобализации и регионализации // Международное право и международные организации. 2015. № 2. С. 231-245.
6. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Право Евразийского экономического союза: учебник / Отв. ред. С.Ю. Кашкин. М., 2016.
7. Павлова И.Н. Основные аспекты формирования энергетического права Евразийского экономического союза // Энергетическое право. 2015. № 2. С. 45-48.
8. Романова В.В. Проблемы международно-правовой унификации в сфере энергетики и гармонизации законодательств государств - участников международных энергетических рынков на примере евразийской экономической интеграции // Правовой энергетический форум. 2015. № 3. С. 12-18.
9. Романова В.В. Формирование общих энергетических рынков государств - членов Евразийского экономического союза // Правовой энергетический форум. 2015. № 1. С. 16-22.
10. Соколова Н.А. Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права // Lex russica. 2017. № 11. С. 47-57.

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR ENERGY COOPERATION BETWEEN THE MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Introduction. Energy cooperation of the member states of the Eurasian Economic Union plays a crucial role in the framework of the Eurasian economic integration. The EAEU members set as their goal the creation of common energy markets of the Union by 2025.

The legal doctrine comprises different opinions regarding the legal nature of the EAEU and the EAEU law, which is important for the analysis of international legal aspects of the cooperation of the EAEU members in the energy sector, as well as for the formation of the EAEU energy law.

The article analyzes the energy provisions of the Treaty on the Eurasian Economic Union, the role of

national legislation and bilateral international treaties of the EAEU members in the energy sector.

Materials and methods. The EAEU legal acts, previous acts of the EurAsEC, the existing bilateral international treaties of the EAEU members in the energy sector, the works of prominent authors affecting Eurasian integration have been used. The research methodology was based on the following theoretical methods of cognition: analysis, synthesis, induction, deduction, analogy, as well as special methods of cognition of legal phenomena and processes: comparative legal and formal legal.

Results. The study summarizes the legal acts of the EAEU in the field of energy of various legal

nature, highlights the gaps and weaknesses of the energy provisions of the Treaty on the Eurasian Economic Union, identifies differences in the approaches of the EAEU and EurAsEC, analyzes the provisions of the Treaty regarding national legislation and bilateral international treaties of the EAEU members in the field of energy.

Discussion and conclusions. The acts of the EAEU law in the field of energy are considered as the EAEU energy law which, as well as the European Union energy law, is a part of the international energy law.

The identified gaps and weaknesses in the energy provisions of the Treaty on the Eurasian Economic Union can be used to improve the EAEU energy law.

Despite the development of multilateral regulation of energy cooperation through the EAEU legal acts aimed at the formation of common EAEU en-

ergy markets the national legislation of the EAEU members remains important in the field of energy and a lot of work will be required to harmonize and unify it. In addition the bilateral international treaties of the EAEU members governing energy cooperation are of great importance.

Olga V. Glikman,
PhD (Law), Associate Professor,
International Law Department, MGIMO
(University) under the Ministry for Foreign
Affairs of Russia

Aziza U. Nazarova,
Postgraduate Researcher, International Law
Department, MGIMO (University) under the
Ministry for Foreign Affairs of Russia

Ключевые слова:

Евразийский экономический союз, Договор
о Евразийском экономическом союзе,
энергетика, сотрудничество в сфере
энергетики, энергетическое право ЕАЭС

Keywords:

Eurasian Economic Union, Treaty on the
Eurasian Economic Union, energy, cooperation
in the field of energy, EAEU energy law

References:

1. Anufrieva L.P., 2017. O nekotoryh teoreticheskikh podhodah k pravu evrazijskoj integracii i ee institucionalizacii [On some theoretical approaches to the law of Eurasian integration and its institutionalization]. *Russkiy zakon [Lex russica]*. № 9. S. 116-126.
2. Bekjashev K.A., 2014. EAJeS: mezhdunarodnaja (mezhdunarodstvennaja) organizacija ili mezhdunarodnoe (mezhdunarodstvennoe) integracionnoe ob#edinenie [International (interstate) organization or international (interstate) integration association]. *Evrasijskij juridicheskij zhurnal [Eurasia law Journal]*. № 11. S. 14-16.
3. Birjukov M.M., 2006. Evropejskij sojuz, Evrokonstitucija i mezhdunarodnoe pravo [European Union, Euro Constitution and International Law].
4. Kapustin A.Ja., 2015. Pravo Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza: mezhdunarodno-pravovoj diskurs [Law of the Eurasian Economic Union: international legal discourse]. *Zhurnal rossijskogo prava [Russia Law Journal]*. № 11. S. 59-69.
5. Kashirina A.A., Morozov A.N. 2015. Razvitie evrazijskoj integracii v kontekste processov globalizacii i regionalizacii [The development of Eurasian integration in the context of globalization and regionalization]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii [International law and international organizations]*. № 2. S. 231-245.
6. Kashkin S.Ju., Chetverikov A.O. 2016. Pravo Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza: uchebnik [Law of the Eurasian Economic Union].
7. Pavlova I.N., 2015. Osnovnye aspekty formirovaniya jenergeticheskogo prava Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza [The main aspects of energy law of the Eurasian Economic Union] *Jenergeticheskoe pravo [Energy Law]*. № 2. S. 45-48.
8. Romanova V.V., 2015. Problemy mezhdunarodno-pravovoj unifikacii v sfere jenergetiki i garmonizacii zakonodatel'stv gosudarstv - uchastnikov mezhdunarodnyh jenergeticheskikh rynkov na primere evrazijskoj jekonomicheskoy integracii [Problems of international legal unification in the field of energy and harmonization of the legislations of states - participants of international energy markets on the example of Eurasian economic integration] *Pravovoj jenergeticheskij forum [Energy law forum]*. № 3. S. 12-18.
9. Romanova V.V., 2015. Formirovanie obshhih jenergeticheskikh rynkov gosudarstv - chlenov Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza [Formation of common energy markets of the member states of the Eurasian Economic Union] *Pravovoj jenergeticheskij forum [Energy law forum]*. № 1. S. 16-22.
10. Sokolova N.A., 2017. Evrazijskij jekonomicheskij sojuz: pravovaja priroda i priroda prava [Eurasian Economic Union: legal nature and the nature of law] *Russkiy zakon [Lex russica]*. № 11. S. 47-57.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПОРЯДКА ФОРМИРОВАНИЯ СЕНАТА АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА

Елена Войтович*

DOI 10.24833/2073-8420-2020-1-54-36-41

Введение. Статья посвящена организационно-правовым вопросам формирования Сената Австралийского Союза. Автор анализирует основы конституционно-правового регулирования формирования верхней палаты Австралийского Союза. В работе затрагиваются вопросы избирательного права Австралийского Союза. Подробно рассматривается избирательная система, используемая для выборов в Сенат Австралии. В настоящее время отсутствуют работы, подробно раскрывающие основы порядка формирования Сената Австралийского Союза.

Материалы и методы. Для создания статьи были использованы работы австралийских ученых в области конституционного права, а также ряд нормативно-правовых актов, регулирующих рассматриваемые в статье вопросы. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания (диалектический метод, методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, сравнительно-правовой и историко-правовой методы).

Результаты исследования. Автором рассмотрены специфические характеристики Сената и, в частности, детально проанализированы конституционные нормы, закрепляющие порядок избрания сенаторов напрямую народом каждого субъекта Австралийского Союза. Также автор в статье анализирует становление избирательной системы, применяемой для формирования Сената Австралийского Союза.

Обсуждение и выводы. В настоящей статье автор обращает внимание на стабильность и неизменность основ правового регулирования Сената, регламентированных Конституцией Австралийского Союза, утвержденной еще Британским парламентом и подписанной Британским монархом. Автор уделяет внимание и особенностям формирования законодательного органа Австралии.

* **Войтович Елена Андреевна**, магистр юриспруденции, преподаватель кафедры конституционного права МГИМО МИД России
e-mail: e.voytovich@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0003-1515-6297

Введение

Австралийский Союз – это государство, включающее в себя материковую часть, на которой расположены 5 штатов и ряд австралийских территории (Австралийская столичная территория и Северная территория), остров Тасмания, на котором расположен шестой штат, ряд более мелких островов, на которых расположены внешние территории, а также Австралийская антарктическая территория.

Начиная с 1788 года, Австралия стала заселяться подданными Британии, и к моменту создания Австралийского Союза континент и расположенные рядом острова представляли собой 7 отдельных британских колоний Новый Южный Уэльс, Западная Австралия, Южная Австралия (включая Северные территории), Новая Зеландия, Квинсленд, Виктория, Тасмания.

1 января 1901 года после проведения в каждой из колоний референдумов, утверждения британским парламентом и одобрения Королевой Великобритании основополагающего конституционного акта Австралии – «Закона об Австралийском Союзе» (далее по тексту «Закон») было создано новое государство – Австралийский Союз.

Закон содержит в себе девять статей, регламентирующих основы конституционного строя Австралийского Союза, а также текст самой Конституции, в соответствии с которой Австралийский Союз является федеративным государством [4. С. 3-7], построенным по территориальному признаку, границы субъектов которого сложились исторически в ходе перераспределения территории континента между бывшими британскими колониями.

Исследование

Австралийское Союз – это демократическое государство. Одним из его характерных признаков, сформулированных Локком и Монтескье, является разделение властей. Конституция Австралии разграничивает власть на три основных ветви: законодательную, исполнительную и судебную. И хотя в самой Конституции отсутствует указание на такое разграничение, вывод следует исходя из структуры самой Конституции, так как для каждой ветви власти в соответствующей главе Конституции определены собственные предметы ведения, полномочия и субъекты, осуществляющие такую власть.

Современные парламенты осуществляют ряд функций, важнейшими из которых являются законодательная, представительная, учредительная, контрольная [1. С. 246-247]. Парламент Австралийского Союза был создан на основе Вестминстерской системы, поэтому, кроме законодательной, представительной и контрольной функций, Парламент наделен учредительной функцией, которая реализуется на основании конституционных соглашений, в соответствии с которыми Правительство формируется партией, победившей на выборах [6. С. 28-30].

На основании первой статьи Конституции законодательная власть в Союзе принадлежит федеральному Парламенту, в состав которого входит Королева, представленная Генерал-губернатором (статья 2 Конституции). Одна из палат – это Сенат, вторая – Палата представителей. Поскольку в качестве основы парламентарной системы Австралии использована Вестминстерская модель, то уместно применять термины верхняя и нижняя палаты. Причем в Великобритании это Палата Лордов и Палата Общин, а в Австралии – Сенат и Палата Представителей.

Сенату посвящена часть II главы I Конституции, в соответствии с которой, Сенат – это палата федерального Парламента Австралии, фактически являющаяся представительным органом Штатов. Такой вывод проистекает из анализа содержания норм статьи 7 Конституции, а именно: «Сенат состоит из сенаторов от каждого Штата, избираемых прямым голосованием населения Штата, голосующего как единый электорат, до тех пор, пока Парламентом не будет предусмотрено иное». Таким образом, исходя из представленной конституционной нормы, следует, что формирование Сената Австралийского Союза осуществляется путем прямых выборов населением каждого штата, а не путем назначения.

Еще в 1900 году в процессе создании Конституции в австралийской конституционной системе была введена инновационная для того времени конструкция, заключающаяся в проведении выборов сенаторов непосредственно населением штатов. В тот же период времени в США назначение сенаторов Конгресса осуществлялось legislaturesми штатов до момента ратификации в 1913 году семнадцатой поправки к Конституции США, в соответствии с которой Сенат в США стал представительным органом, избираемым на прямых выборах населением штатов [5. С. 132].

В Канаде, имеющей аналогичную структуру высшего законодательного органа, также включающего в себя британского монарха, представленного Генерал-губернатором, Сенат формируется последним по рекомендации премьер-министра. Таким образом, Сенат в Канаде не являлся в те времена, и не является сейчас выборным органом [2. С. 114-136].

Такая особенность Парламента Австралийского Союза обусловлена несколькими факторами. Во-первых, это федеративная форма территориального устройства, которая была выбрана при подготовке проекта Конституции нового государства. Во-вторых, это обеспечение представительства субъектов федерации, которые хотели сохранить за собой достаточную степень самостоятельности и возможности влиять на управление государством. Причина таких решений кроется в историческом наследии. Британские колонии к моменту объединения являлись самоуправляемыми, имели сложившуюся систему управления (развитые законодательные органы и систему ответственного правительства), собственное законодательство, собственные доходы. Вступление в союз с другими колониями означал отказ от части своего суверенитета. Также колонии стремились сохранить свои территории и достаточную степень влияния в законодательном органе, и именно такое положение обеспечило поддержку населения бывших колоний на референдумах при создании нового Союза [7. С. 161] и заложило демократические основы во вновь создаваемом государстве.

Конституция Австралийского Союза в седьмой статье определяет квоту представительства сенаторов от штатов, закрепляя положение, что от каждого штата избирается 6 сенаторов. Однако в этой же статье указано, что Парламент вправе изменить такой порядок согласно следующей формулировке: «До тех пор, пока Парламентом не будет предусмотрено иное, от каждого первоначального штата, который является первоначально образовавшим Союз, избирается по шесть сенаторов. Парламент вправе принимать законы, увеличивающие или уменьшающие число сенаторов от каждого штата, но таким образом, чтобы сохранялось равное представительство нескольких первоначальных штатов и чтобы от каждого из них избиралось не менее шести сенаторов». Таким образом, кроме изначального количественного состава Сената, являющегося минимальным пределом представительства штатов в верхней палате, Конституцией был предусмотрен

запрет дискриминации какого-либо из первоначальных штатов, а при использовании Парламентом своего права изменять численный состав должно выполняться требование сохранять равное представительство от каждого первоначального штата в Сенате Австралии.

Первые выборы проводились в соответствии с законодательством штатов. Статьей 108 «Сохранение законодательства штатов» Конституции была предусмотрена такая возможность, а именно: «Любое действующее законодательство колонии, которая стала или становиться штатом, включая вопросы, находящиеся в исключительном ведении парламента Союза, в случае если такое законодательство не противоречит настоящей Конституции, сохраняет свою силу, до тех пор пока Парламентом Союза не будут приняты нормативные акты в отношении таких вопросов, парламент штата имеет такие полномочия по отмене или изменению в отношении указанного законодательства, какие были у парламента колонии до тех пор, пока последняя не стала штатом».

В 1902 году Федеральным Парламентом принят Закон о праве участия в голосовании, который существенно демократизировал требования к избирателям. Статьей 3 указанного Закона устанавливалось, что голосовать на выборах в Палату Представителей и Сенат могут все лица с 21 года, независимо от пола и семейного положения, однако был введен ряд цензов, таких как ценз оседлости (проживание на территории Австралии не менее 6 месяцев), наличие британского подданства (с рождения или путем натурализации), а также быть включенным в любой избирательный список.

Таким образом, рассматриваемый закон предоставил населению универсальное избирательное право участия в выборах федерального уровня и ввел единое регулирование избирательного процесса, отменив дискриминационные нормы по гендерному и имущественному признаку, содержащиеся в колониальном законодательстве штатов.

В 1918 году Закон 1902 года был отменен и принят новый – «Закон о консолидации и изменении законодательства, касающегося парламентских и иных выборов» (Закон Союза о выборах) 1918 года, снизивший избирательный возраст, и в который в 1949 году были внесены существенные изменения, касающиеся формирования Сената Австралийского Союза, в частности:

- изменена система голосования на федеральных выборах в Сенат на пропор-

циональную с единственным передаваемым голосом.

– количество сенаторов, избираемых от каждого штата, было увеличено до десяти членов (вместо установленных изначально Конституцией шести).

В настоящее время на выборах в Сенат избиратели имеют право выбора голосовать «над линией» или «под линией» Заполнение бюллетеня над линией означает, что избиратель голосует за группу кандидатов или за политическую партию. В таком случае избиратель обязан заполнить в порядке своих предпочтений как минимум 6 полей. Если же избиратель предпочитает отдать свой голос за конкретных кандидатов, то он обязан заполнить бюллетень «под линией», указав цифрами свои предпочтения, число которых для такого вида голосования составляет минимум 12 кандидатов. Необходимо отметить, что в данном разделе не случайно употребляется слово «обязан», и объясняется это тем, в Австралии с 1924 года введен обязательный вотум.

Пропорциональная система голосования, а точнее система единственного передаваемого голоса, действующая в настоящее время на выборах в Сенат, в совокупности с конституционной нормой о равном количестве сенаторов от каждого штата, позволяет даже штатам с низким количеством населения быть представленными в Сенате таким же количеством сенаторов, что и густонаселенным субъектам. Также при существующей избирательной системе в Сенате представлены малочисленные партии, тогда как в Палате Представителей, избираемой по мажоритарной системе с преференциальным голосованием, доминируют депутаты от лидирующей партии. Таким образом, на наш взгляд, пропорциональная система голосования является более демократичной и более полно отражающей мнение населения, хотя и более сложной при осуществлении подсчета голосов.

Две территории Австралийского Союза в настоящее время также представлены в Парламенте Австралии. Конституционно-правовые основы любых вновь созданных штатов Австралийского Союза закреплены в Главе VI Конституции. Так, в статье 124 закреплена возможность формирования нового штата путем выделения территории из существующего. В соответствии со статьей 122 Парламент вправе издавать законы для управления любой территорией, уступаемой любым штатом или Союзом, или любой территории, переданной Королевой под

управление и принятой Союзом, или приобретенной Союзом другим способом. Территории были образованы с помощью административно-территориального деления территории первоначальных австралийских штатов на основании законодательства, принятого Парламентом Австралийского Союза. Вопросы представительства территорий в Парламенте не регулируются нормами Конституции, все права и полномочия территорий устанавливаются федеральным законодательством. Всего в Австралии создано десять территорий: Австралийская столичная территория, Северная территория, территория залива Джервис-Бей, остров Норфолк, остров Рождества, Кокосовые острова; острова Ашмор и Картье, острова Кораллового моря, остров Херд и острова Макдональд и Австралийская антарктическая территория. И только две материковые территории: Австралийская столичная территория и Северная территория - являются самоуправляемыми.

До 1973 года территории были представлены только в Палате представителей: Северная территория была представлена в нижней палате одним членом с 1922 года, а Австралийская столичная территория - с 1949 года.

В 1973 году такое положение изменилось, когда вступил в силу Закон о Сенате (Представительство территорий), распространивший своё действие на следующие австралийские территории: Австралийская столичная территория (включая территорию Джарвис-Бей) и Северная территория. С 1975 года в соответствии со статьей 4 указанного Закона 1973 года каждая из вышеназванных территорий представлена в Сенате двумя сенаторами, избираемыми населением территорий.

В 1984 году были внесены очередные изменения в Закон Союза о выборах 1918 года, и количество Сенаторов увеличилось до 76 – по 12 представителей от каждого штата и по два от каждой территории.

Для Сенаторов от территорий установлен срок полномочий три года. Положения о представлении территорий в Сенате в настоящее время содержатся в Законе о выборах в Союзе 1918г. в статьях 40-44. В отличие от территорий, срок, на который избираются сенаторы штатов, установлен в седьмой статье Конституции и составляет шесть лет, начиная с первого июля после дня выборов. Конституцией установлен принцип ротации, при котором впервые после выборов в Сенат, либо после единовременного роспу-

ска палаты, половина сенаторов уходит в отставку через три года, а оставшиеся члены Сената через шесть лет, а в последующем каждые три года половина сенаторов избирается вновь. Данная система была разработана на основе принципа ротации, аналогично системе ротации в Сенате США [3. С. 135-165], что отражает мнение населения на текущий момент времени и при этом позволяет учитывать взгляды общества на разных этапах его развития.

В тринадцатой статье Конституции установлена дата начала работы Сената после выборов. В первоначальной редакции эта дата приходилась на первое января. Однако в 1906 году были внесены изменения в Конституцию, для чего был проведен референдум, по итогам голосования которого 12 декабря 1906 года поправка в Конституцию была утверждена. Целью указанного изменения было приведение в соответствие даты выборов и вступления в должность членов Сената и Палаты представителей. В результате новой датой, когда сенаторы вступают в свою должность в настоящее время, стало первое июля, таким образом, они вступали в должность одновременно с членами Палаты представителей.

Результаты исследования

Одним из существенных отличий Сената Австралийского Союза является его представительный характер, что подтверждается фактом его выборности населением каждого штата. Такое положение было введено сразу при создании федерации, в отличие от США

и Канады. Приверженность выбранной стратегии была подтверждена Парламентом Австралии и при создании новых территорий, которым со временем было дано право так же, как и первоначальными штатами избирать сенаторов прямым голосованием населением территорий.

Ещё одной отличительной особенностью Австралийского Союза является то, что при создании федерации по территориальному признаку у бывших колоний, ставших впоследствии штатами, сохранилась значительная часть британского законодательства, касающегося процесса формирования Парламента страны, и в том числе Сената. Однако колониальные акты сохраняли различные дискриминационные нормы, в том числе по гендерному и имущественному признакам, которые в процессе развития избирательного права Австралийского Союза прекратили свое действие.

Заключение

Австралийскому Союзу присущи все те черты, которые свойственны и другим демократическим федеративным государствам, однако имеется и ряд ярких особенностей, выделяющих Австралийский Союз. Такая особенность проявляется в процессе формирования верхней палаты австралийского Парламента. Принятые со временем изменения в избирательной системе на выборах в Сенат, а именно смена мажоритарной системы на пропорциональную, еще более усилили верхнюю палату.

Литература:

1. Конституционное право зарубежных стран: учебник / Под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. М., 2016.
2. Кремянская Е.А. Распределение предметов ведения в современных государствах и особенности правового статуса регионов // Актуальные проблемы сравнительного, зарубежного и российского конституционного права: сб. науч. трудов / Науч. ред. И.А. Ракитская; отв. ред. Н.Ю. Молчаков. М., 2017.
3. Кремянская Е.А. Конституционно-правовой статус парламентария в Соединенных Штатах Америки // Депутат зарубежного парламента: коллективная монография / Отв. ред. А.Г. Орлов, Е.А. Кремянская. М., 2014.
4. Молчаков Н.Ю. Федерализм как принцип территориальной организации публичной власти: теоретико-методологические аспекты // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 8. С. 3-7.
5. Кремянская Е.А. Теория и практика федерализма: сравнительно-правовое исследование: монография. М., 2015.
6. Ratnapala S. Australian constitutional law: foundation and theories. Oxford: Oxford University Press, 2007.
7. Wise B.R. The Commonwealth of Australia. Boston. Little, Brown and company. 1909.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES FOR THE FORMATION OF THE SENATE OF THE AUSTRALIAN COMMONWEALTH

Introduction. The article is devoted to the organizational and legal issues of formation of the Senate of the Commonwealth of Australia. The author analyses the foundations of the constitutional regulation of the formation of the Senate. Now there are no works exploring in detail the manner the Senate of the Australian Commonwealth is formed.

Materials and Methods. To create the article, the author used the works of Australian scholars in the field of constitutional law, as well as a number of legal acts regulating the issues addressed in the article. The methodology of the study was based on general scientific and private scientific methods of cognition (the dialectical method, methods of analysis and synthesis, deduction and induction, comparative legal and historical legal methods).

Research Results. The author has considered specific characteristics of the Senate and in particular the constitutional norm establishing the system

where senators are elected directly by the people of each entity of the Australian Commonwealth. The author also analyses the formation of the electoral system applied to formation of the Senate of the Australian Commonwealth.

Discussion and conclusions. In this article, the author draws attention to the stability and invariability of the foundations of Senate legal regulation, established by the Constitution of the Australian Union, approved by the British Parliament and signed by the British monarch. The author pays attention to the peculiarities of the formation of the Australian legislature.

Elena A. Voytovich,
Master of Law, Lecturer with the
Constitutional Law Department,
MGIMO (University) under the MFA of
Russia

Ключевые слова:

Австралийский Союз, Австралия, Сенат, Парламент Австралийского Союза, Конституция Австралии, парламентаризм, представительная демократия

Keywords:

Commonwealth of Australia, Australia, The Senate, The Parliament of the Commonwealth, Australia, Constitution of Commonwealth of Australia, representative democracy

References:

1. Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran [Constitutional Law of Foreign Countries]. 2016. Ed. by M.V. Baglaj, Ju.I. Lejbo, L.M. Jentin. Moscow.
2. Kremjanskaja E.A., 2017. Raspredelenie predmetov vedenija v sovremennyh gosudarstvax i osobennosti pravovogo statusa regionov [The distribution of competence in the modern states and peculiarities of the legal status of the regions]. *Aktual'nye problemy sravnitel'nogo, zarubezhnogo i rossijskogo konstitucionnogo prava: sb. nauch. trudov* [Advanced topics of comparative, foreign and Russian constitutional law]. Ed. by I.A. Rakitskaja; otv. red. N.Ju. Molchakov. Moscow.
3. Kremjanskaja E.A., 2014. Konstitucionno-pravovoj status parlamentarija v Soedinennyh Shtatah Ameriki [Constitutional and legal status of a Deputy of the Parliament in the United States]. *Deputat zarubezhnogo parlamenta: kolektivnaja monografija* [A Deputy of Foreign Parliament: Legal comparative research]. Ed. by A.G. Orlov, E.A. Kremjanskaja. Moscow.
4. Molchakov N.U., 2019. Federalizm kak princip territorial'noj organizacii publicnoj vlasti: teoretiko-metodologicheskie aspekty [Federalism as a principle of territorial arrangement of government: theoretical and methodological aspects]. *Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-government]. № 8.
5. Kremjanskaja E.A., 2015. Teorija i praktika federalizma: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: monografija [Theory and practice of federalism: Legal comparative research]. Moscow.
6. Ratnapala S., 2007. Australian constitutional law: foundation and theories. Oxford: Oxford University Press.
7. Wise B.R., 1909. The Commonwealth of Australia. Boston. Little, Brown and company.

Article

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ: ОТРАЖЕНИЕ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И ИНСТРУМЕНТАРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Игорь Бахлов*
Ольга Бахлова**

DOI 10.24833/2073-8420-2020-1-54-42-50

***Введение.** Многослойность и противоречивость развития мира, стран и регионов на фоне последствий глобализации и обострения международной конфронтации усложняют формулирование и решение внутренних управленческих задач, выбор оптимальной стратегии и тактики реагирования на стремительно меняющуюся ситуацию или, напротив, попытки возрождения архаичных институтов, отвергающих ценности межкультурного диалога. Цель данной статьи – выявление и оценка этнополитических вызовов в инструментарии государственной национальной политики Российской Федерации на примере ряда документов стратегического планирования.*

***Материалы и методы.** Исследование базировалось на изучении официальных документов Российской Федерации в рамках целеполагания и контекстном анализе политического дискурса с учетом концепции артикуляции. Применялись также методы системного и сравнительного анализа, политической диагностики.*

***Результаты исследования.** Проведенный анализ позволил обнаружить в рассмотренных документах стратегического планирования РФ значительную, но не абсолютную корреляцию в интерпретации этнополитических вызовов для России. Показано, что смыслообразующие сюжеты официального дискур-*

* **Бахлов Игорь Владимирович**, доктор политических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва
e-mail: bahlov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6886-5762

** **Бахлова Ольга Владимировна**, доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва
e-mail: olga.bahlova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3849-8321

са в этнополитической плоскости имеют во многом консервативную суть, отсылая к традиционным ценностям, сохранению идентичности России как цивилизации. Одновременно в нем акцентированы отказ от замкнутости, изоляции, призывы к активности на международной арене в различных форматах, к внутренним преобразованиям. Выявлено определенное совпадение приоритетных задач в контексте актуализированных вызовов в области межнациональных отношений, регионального и пространственного развития страны.

Обсуждение и заключение. Обоснована необходимость уточнения некоторых положений действующих документов стратегического планирования РФ и устранения из них пробелов, не согласующихся с современными дискурсивными практиками и потребностями управления этнополитической сферой. Предложены меры по совершенствованию законодательного сопровождения этнологической экспертизы, ее практического внедрения, расширения социологического и этнополитического мониторинга с интеграцией структур федерального и регионального уровней и усилением внимания к локальному (муниципальному) уровню, ранней диагностике и предупреждению конфликтных ситуаций, поддержке отечественной культуры и искусства, «воспитания» элиты и подготовки кадрового резерва в духе осознания принадлежности к общероссийской гражданской нации.

Введение

Текущему этапу свойственно переплетение разнонаправленных тенденций развития и элементов прошлого, настоящего и будущего – в плане моделей и стереотипов поведения, реагирования на риски и угрозы, понимания смыслов и ценности суверенитета, одинаковости народа, культуры и пр. Сказанное применимо и к области мировой, и внутренней политики. Нейтральные в этническом плане корпоративизм или космополитизм соседствуют с консервативностью и традиционализмом – зачастую в пределах одного государства, проявляясь в устремлениях элиты и обычных граждан. Наблюдаются негативные последствия крайних с точки зрения отношения к этничности решений: ее замалчивания либо, напротив, центрирования. Между тем ни одно государство сегодня не может чувствовать себя абсолютно неуязвимым перед этнополитическими вызовами: одни страны исторически складывались как полиэтничные и многоконфессиональные, другие испытывают серьезные издержки миграционных кризисов и в целом глобализации миграционных потоков. Усложнение внутренней и мирополитической повестки в этнополитической плоскости в условиях России ставит также новые управленческие задачи: совершенствование механизмов формирования общегражданской нации;

продвижение этнокультурных брендов территорий; ранняя диагностика этнополитических противоречий, что требует повышения компетентности должностных лиц государственных и муниципальных органов.

Неслучайно современный теоретический дискурс охватывает многослойные интерпретации принципиальных вопросов. В этой обширной совокупности можно выделить несколько ключевых блоков, концентрирующих попытки прояснить роль этнического фактора в государственном (политическом) управлении и различные аспекты государственной национальной политики.

В контексте анализа сложившихся в политической теории подходов к управлению различиями (либерального эгалитаризма и либерального мультикультурализма) формулируются рассуждения о возможности отказа от эссенциалистского представления о природе национальных сообществ [7]. Выявляются различия между основными типами национализма – гражданско-политическим и примордиалистским, обосновываются предположения о дуалистичности феномена нации, незавершенности и фрагментации российской идентичности [3]. Констатируется «многоликость» русского национализма, даются оценки его востребованности обществом и властью [10; 21; 22; 24].

Опыт прошлого и уроки настоящего побуждают многих авторов подвергать критике тезисы об универсальности проекта

«национального государства», абсолютизации традиций и ценностей определенных обществ, акцентировать внимание на опасности политизации этносоциальных и межнациональных противоречий и институционализации национализма, на концепции «обучаемых политик» [9; 13; 16; 18; 23; 25]. Подвергается сомнению гипотеза о негативной корреляции этнической неоднородности и государственного (политического) управления, высказывается мнение, что этническое разнообразие не наносит прямого ущерба обеспечению общественных благ [19].

Утверждается необходимость комплексного междисциплинарного подхода и изучения причин этнических конфликтов во взаимосвязи субнациональных, национальных (государственных) и транснациональных факторов [20], системной методологии при проведении государственной национальной политики и политико-пространственного анализа этнополитических конфликтов [11; 12]. Прослеживается динамика российской этнополитики, выявляются виртуализация националистического дискурса, подверженность молодежи деструктивному влиянию экстремистских движений, артикулируется важность информационного сопровождения реализации государственной национальной политики, а также предотвращения утраты среды и ценностей, необходимых для национального самосознания [5; 6; 15; 17].

Внимание авторов этнонациональная составляющая (индексы оценки эффективности государственной национальной политики, национализированный дискурс в медиаполитике идентичности, динамика территориальной идентичности, национальное самосознание, престиж национальности, этнические гетеростереотипы и пр.) привлекает также в плоскости региональных процессов [1; 4; 8; 14].

Приведенные позиции, разумеется, не исчерпывающи. Отечественные и зарубежные авторы затрагивают и другие измерения этнополитической сферы в различных масштабах. Важнейшим итогом теоретических разработок данной проблематики на основе эмпирического опыта можно признать уход от линейности и одномерности. Представляется, тем не менее, необходимым углубленное изучение следующих аспектов: во-первых, специфики восприятия этнополитических вызовов в политическом дискурсе, нормативных документах, программно-целевых инструментах, а также механизмов ре-

агирования на них в управленческих практиках в корреляции с развитием федеративных отношений, территорий, потенциалом и историческим путем страны; во-вторых, соотношения в создаваемых представлениях и осуществляемых действиях динамических и статических компонентов, базовых и вспомогательных элементов, их зависимости от политической конъюнктуры и обоснования социальной значимости. Данное исследование ориентировано на их объективацию в достаточно узком, но принципиальном ракурсе федеральных дискурсивных практик – выявление и оценку этнополитических вызовов в инструментарии государственной национальной политики Российской Федерации на примере определенных документов стратегического планирования.

Исследование

Исследование базировалось на изучении документов в сфере государственной национальной политики РФ, включенных в ее инструментарий, отражающих интерпретации и видение этнополитических вызовов. Учитывая их объемность и множественность, а также структурные характеристики политической системы страны, был проведен анализ документов стратегического планирования в рамках целеполагания, репрезентирующих содержание и динамику позиции главы государства, – Посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ. Неформализованный традиционный анализ документов дополнялся элементами контекстного анализа политического дискурса с учетом концепции артикуляции, предполагая реконструкцию социально-политической объективации, коммуникации и легитимизации смысловых структур в плоскости межнациональных отношений, включенных в официальный нарратив, и выяснение возможностей конструирования через объединение смыслов отдельных составляющих политического дискурса некоей новой программы, модели и пр. Сопоставление выявленных в нем сюжетов с положениями действующей редакции Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года позволило обнаружить ключевые взаимозависимости.

Важными методами исследования послужили также методы системного и сравнительного анализа, метод политической диагностики. Благодаря их применению были выявлены общие и особенные харак-

теристики проанализированных документов, показано их место в системе приоритетов развития страны во взаимосвязанных сферах и направлениях, определены проблемные уязвимые моменты, побуждающие к совершенствованию управленческих подходов.

Хронологически для исследования были установлены рамки 2013–2019 гг. – период, пришедшийся на время имплементации и совершенствования Стратегии государственной национальной политики и внедрения других инициатив высшего руководства страны в исследуемой плоскости. Тем более, он совпадает с реактуализацией подходов в государственном управлении, складывавшихся с начала 2000-х гг., трансформацией условий внешней среды и их негативизацией для внутренней ситуации.

Основные сюжеты, типичные для официального дискурса власти в рассматриваемом ракурсе, сопрягающиеся с темой «больших вызовов» для страны, можно обобщить следующим образом.

В Послании 2013 г. таковыми выступают: межэтнические отношения в целом и причины «межэтнического напряжения» (проблемы и трудности социально-экономического и территориального развития, коррупция, изъяны в работе государственных институтов, провалы в образовательной и культурной политике); на выявленные уязвимости предложено ответить солидарностью: «Мы вместе ... должны защитить межнациональный мир, а значит, единство нашего общества, единство и целостность Российского государства»; пересмотр норм морали и нравственности, стирание национальных традиций и различий наций и культур, что влечет за собой негативные последствия для обществ; отмечена их обусловленность искаженными представлениями о толерантности, признанием «равноценности добра и зла»; на этом фоне акцентирована необходимость защиты традиционных ценностей; иностранная трудовая миграция, вызывающая дисбалансы в социальной сфере, национальные конфликты, обострение криминальной обстановки; намечены: усиление ответственности работодателей за использование труда иностранных работников, выдача региональных патентов, мыслимых как экономический инструмент регулирования миграционных потоков, и т.п.

В Послании 2014г.: нарушения прав соотечественников в результате силового захвата власти в Киеве в феврале 2014 г.; подчеркнута важность диалога в рамках правового поля

и легитимных процессов; фокус предложений как реакция на политику сдерживания, санкции, попытку изоляции, сдерживание растущих возможностей России – отстаивание многообразия мира, продвижение контактов и связей, отказ от ксенофобии.

В Послании 2015 г.: агрессия международного терроризма как тотальная угроза, его разрушительная, варварская идеология в условиях открытости границ в мире, нового переселения народов, разрушения государственности в Ираке, Ливии; в качестве эффективных ответов названы: жесткое противодействие любым проявлениям экстремизма и ксенофобии, сохранение межнационального и межрелигиозного согласия, проявление истинных патриотических чувств и высоких нравственных качеств.

В Послании 2016 г.: возникновение новых разломов и конфликтов на политической, национальной, религиозной, социальной почве в странах и регионах мира, накладывающиеся на острейший миграционный кризис; «так называемые великие потрясения» – отсылка к Октябрьской революции 1917 г., побуждающие помнить уроки истории, работать над укреплением общественного, политического, гражданского согласия: «... мы единый народ, мы один народ, и Россия у нас одна».

В Послании 2018 г.: изменения в мире, носящие цивилизационный характер, снижение безопасности и экономических возможностей страны, угроза утраты суверенитета, отставание как главная угроза; артикулируемые механизмы – укрепление институтов демократии, местного самоуправления, структур гражданского общества; открытость миру, новым идеям и инициативам; реализация масштабной программы пространственного развития.

В Послании 2019 г.: угрозы суверенитету, «спрессованность» времени, скорость перемен в мире; ключевые механизмы – укрепление семейных ценностей, модернизация инфраструктуры – всего каркаса государства, раскрытие потенциала территории.

Смыслообразующие сюжеты в этнополитической плоскости, фиксирующиеся в изученных документах, как видно, имеют во многом консервативную суть, отсылая к традиционным ценностям, сохранению идентичности России как цивилизации на фоне усложняющихся вызовов глобального и иного уровней. В то же время отказ от замкнутости, изоляции, призывы к активности на международной арене в различных форматах, внутренним преобразованиям

не позволяют говорить об утверждении консервативной дискурс-рамки; она скорее приобретает некоконсервативную оболочку, с постепенным дрейфом от идеи «русского мира» [2. С. 17-18]. Заметно в связи с этим отсутствие в президентских посланиях риторики государствообразующего народа, которая ощутимо прослеживается в других программных выступлениях главы государства и в Стратегии государственной национальной политики. Поэтому данные документы, думается, во многом в силу их статуса, более нейтральны к проблематике «русского вопроса» и в целом не предполагают этноцентрирования, однако их безусловные акценты – многонациональность

России, единство ее народов и межнациональное согласие.

Еще один примечательный момент – несмотря на проявляющееся осознание существенного влияния на развитие страны внешних факторов, в том числе негативных, в посланиях последних лет и особенно 2018–2019 гг. внимание сфокусировано преимущественно на внутренних задачах и проблемах, что не вполне согласуется с внесенными в 2018 г. изменениями в Стратегию государственной национальной политики. Соотношение лейтмотивов официального дискурса и названной Стратегии как главного регулятивного документа в исследуемой сфере можно проследить в таблице 1.

Таблица 1. Матрица соответствия сюжетов официального дискурса и проблем, обозначенных в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года

№ п/п	Проблемы в сфере межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений, обусловленные появлением новых вызовов и угроз национальной безопасности РФ (п. 14 Стратегии государственной национальной политики РФ, ред. от 06.12.2018)	Послание Президента РФ, год					
		2013	2014	2015	2016	2018	2019
а	распространение международного терроризма и экстремизма, радикальных идей, основанных на национальной и религиозной исключительности	+		+	+		
б	возникновение очагов межнациональной и религиозной розни в результате попыток пропаганды в стране экстремистской идеологии, являющейся в том числе причиной зарубежных региональных конфликтов			+			
в	гиперболизация региональных интересов и сепаратизм, развивающиеся в том числе вследствие целенаправленного вмешательства из-за рубежа и угрожающие государственной целостности						
г	незаконная миграция, несовершенство действующей системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество, формирование замкнутых этнических анклавов	+					
д	социальное и имущественное неравенство населения, сложности в обеспечении равных возможностей для социального продвижения и доступа к важнейшим общественным благам, региональная экономическая дифференциация	+	+	+	+	+	+
е	частичная утрата этнокультурного наследия, размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе вследствие глобализации	+	+				+
ж	непреодоленные последствия межэтнических или этнотерриториальных конфликтов и противоречий в отдельных субъектах Российской Федерации						
з	отток русского и русскоязычного населения из регионов Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации						

Источник: составлено на основании сопоставления положений ежегодных посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации и Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Официальный сайт Президента России: <http://www.kremlin.ru/>; СПС КонсультантПлюс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/

Таблица 1 подтверждает первостепенную концентрацию на проблемах внутреннего происхождения, причем социально-экономического характера, препятствующих до-

стижению подлинного единства, включая территориальный компонент (подпункты «д» и «е» пункта 14). С другой стороны, в посланиях за рассматриваемый период вообще

не фигурируют многие из закрепляемых в новой редакции Стратегии проблем (подпункты «в», «ж» и «з»). Здесь, несомненно, стоит учитывать, что приведенные формулировки появились позже, чем большинство анализируемых посланий. Однако и в Послании 2019 г. подобных акцентов нет. Это касается и миграционной проблематики, артикулированной в Стратегии и во многих региональных программных документах. Опять же, в ряде посланий достаточно много и предметно говорится о развитии определенных регионов, например, Дальнего Востока, но без прямой корреляции с формулировкой в подпункте «з» пункта 14.

Во внешнем измерении этнополитических вызовов наибольшее совпадение наблюдается по подпункту «а», хотя пик артикуляции подобных вызовов в президентских посланиях пришелся на 2015–2016 гг., что совпало с наиболее активной фазой операции РФ в Сирии. В целом выражения в них более емкие и эмоционально окрашенные, нежели формулировки Стратегии (например, применительно к угрозе терроризма – «разрушительная, варварская идеология» и пр.). Возвращаясь к направленности озвучиваемых главой государства приоритетных задач в контексте актуализированных вызовов, можно, на наш взгляд, обнаружить больше совпадений со стратегическими документами РФ в области государственной политики регионального и пространственного развития.

Заключение

Резюмируя, можно говорить о значительной (количественной и качественной – содержательной, смысловой), но не абсолютной корреляции в определении этнополитических и иных вызовов для России в проанализированных документах стратегического планирования. Собственно, имеющиеся отличия объясняются их характером и предназначением, охватом тех или иных сфер. К тому же в президентских посланиях усматривается обычно более зримая политическая составляющая. Положения Стратегии государственной национальной политики конкретизируются и детализируются в

документах уровня федеральных округов и субъектов Федерации, хотя не все они адаптированы к новой ее редакции. Полагаем, что необходимые взаимосвязи между различными инструментами в изучаемой плоскости сложились, но не в полном объеме. Так, сохраняются некие пробелы в разъяснении ряда формулировок Стратегии 2012 г. (в редакции 2018 г.) (прежде подпунктов «ж» и «з» пункта 14). Такое разъяснение возможно, скажем, путем тщательного исследования процесса достижения целевых показателей государственной программы «Реализация национальной политики» (в первую очередь подпрограммы 7 «Профилактика экстремизма на национальной и религиозной почве»), содержания и хода выполнения региональных и муниципальных программ, результатов мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций (sm.fadn.gov.ru), однако было бы целесообразным соответствующее уточнение в документах федерального уровня.

Приданию большей связанности, логичности и эффективности инструментальной системе реализации государственной национальной политики могли бы способствовать также совершенствование законодательного сопровождения этнологической экспертизы, ее практическое внедрение, расширение социологического и этнополитического мониторинга с интеграцией структур федерального и регионального уровней и усилением внимания к локальному (муниципальному) уровню. В общегосударственных масштабах в инструментарии национальной политики, учитывая ее корреляцию с другими сферами государственной политики, должны воплощаться средства ранней диагностики и предупреждения конфликтных ситуаций, поддержки отечественной культуры и искусства, меж- и внутрирегионального выравнивания и развития территорий по социально-экономическим параметрам, «воспитания» элиты и подготовки кадрового резерва в духе осознания принадлежности к гражданской нации, опирающейся на взаимобогащающие традиции населяющих Россию народов.

Примечание:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 19-011-31009 «Профессиональная экспертиза в области государственной национальной и региональной политики и совершенствование механизмов оценки эффективности территориального управления»

Литература:

1. Богатова О.А. Национализирующий дискурс в медиаполитике идентичности республик в составе РФ (на примере Республики Мордовия) // Вестник Российской нации. 2018. № 2(60).
2. Бызов Л.Г. Ценностная трансформация российского общества на фоне социально-политического кризиса и посткрымского синдрома // Общественные науки и современность. 2016. № 6.
3. Гаджиев К.С. Российская Федерация: национальное государство или государство народов? // Полис. Политические исследования. 2018. № 3.
4. Зайков К.С., Макимов А.М., Тамицкий А.М., Трошина Т.И. Этносоциальная ситуация в арктических регионах России и государственная национальная политика // Полис. Политические исследования. 2018. № 2.
5. Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: промежуточные итоги и новые ориентиры // Вестник Российской нации. 2018. № 1(59).
6. Зорин В.Ю. Российская этнополитика на современном этапе: традиции и инновации // Вестник Российской нации. 2019. № 2(66).
7. Клименко Е.В. Интеграция и различия. О гражданской нации в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 6.
8. Курбанова А.М. Идеологические основы формирования национальной и конфессиональной политики России на Северном Кавказе // Вестник Российской нации. 2018. № 2(60).
9. Летняков Д.Э. Политико-идеологические тренды постсоветских обществ: попытка обобщения // Полис. Политические исследования. 2018. № 1.
10. Паин Э.А., Простаков С.А. Многоликий русский национализм. Идеино-политические разновидности (2010–2014 гг.) // Полис. Политические исследования. 2014. № 4.
11. Прохоренко И.Л. Возможности пространственного подхода в изучении этнополитической конфликтности // Полис. Политические исследования. 2016. № 6.
12. Рыбаков С.В. Стратегия государственной национальной политики в России в преломлении современной научной методологии // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 10(100).
13. Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. № 5.
14. Сулейманов А.Р., Хадимуллин Р.Р. Индексы оценки эффективности государственной национальной политики в российских регионах // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 6(96).
15. Сулейманова Ш.С. Роль СМИ и национальных общественных объединений в реализации Стратегии национальной политики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 7(52).
16. Сунгуров А.Ю., Белявская Н. Постсоветские территориальные конфликты в Молдове и Эстонии: когда политические элиты могут учиться на ошибках друг друга // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1.
17. Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской Академии наук. 2019. Т. 89. № 4.
18. Уразбаев Е.Е. Этнонациональная политика в Латвии и Эстонии в контексте институционализации национализма // Власть. 2017. Т. 25. № 6.
19. Gisselquist R M. Ethnic Divisions and Public Goods Provision, Revisited // Ethnic and racial studies. 2014. Vol. 37. Issue 9. P. 1605-1627.
20. Jenne E K. Above, Below and Beyond the State: New Directions in Ethnic Conflict Studies // Ethnopolitics. 2017. Vol. 16. Issue 1. P. 48-55.
21. Kolstø P., Blakkisrud H., eds. The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015. Edinburgh, 2016.
22. Laruelle M. Is Nationalism a Force for Change in Russia? // Daedalus. 2017. Vol. 146. Issue 2. P. 89-100.
23. Parekh Bh. Ethnocentric Political Theory. London, 2019.
24. Prina F. National in Form, Putinist in Content: Minority Institutions 'Outside Politics' // Europe-Asia Studies. 2018. Vol. 70. Issue 8. P. 1236-1263.
25. Wimmer A. Nation Building: Why Some Countries Come Together While Others Fall Apart // Survival. 2018. Vol. 60. Issue 4. P. 151-164.

ETHNO-POLITICAL CHALLENGES: REFLECTION IN THE THEORETICAL DISCOURSE AND TOOLS OF STATE NATIONAL POLICY

Introduction. The multilayered and contradictory development of the world, countries and regions against the backdrop of the consequences of globalization and international confrontation complicates the formulation and solution of internal management tasks, the choice of the optimal strategy and tactics for responding to rapidly changing situations, or, conversely, attempts to revive archaic institutions that reject the values of intercivilization dialogue. The purpose of this article is to identify and evaluate the place of the ethno-political challenges among the tools of the state national policy of the Russian Federation evidenced with relevant strategic planning documents.

Materials and methods. The research was based on the study of official documents of the Russian Federation in the framework of the goal-setting and contextual analysis of political discourse, taking into account the concept of articulation. Methods of systematic and comparative analysis, political diagnostics were also used.

The results of the research. The analysis made it possible to detect a significant, but not absolute correlation in the interpretation of ethno-political challenges for Russia in the considered strategic planning documents of the Russian Federation. It is shown that the meaning-forming plots of the official discourse in the ethno-political perspective have a largely conservative essence, referring to traditional values, preserving the identity of Russia as a civilization. Simultaneously it emphasizes the rejection of insularity, isolation, calls for activity in the international stage in various formats, for internal transformations. A certain coincidence

of priority tasks in the context of actualized challenges in the field of interethnic relations, regional and spatial development of the country is revealed.

Discussion and conclusions. The necessity of clarifying some of the provisions of the current strategic planning documents of the Russian Federation and of eliminating bottlenecks in them that do not agree with the modern discursive practices and the needs of managing the ethno-political sphere is substantiated. The authors proposed measures for improving the legislative support of ethnological examination, its practical implementation, expanding sociological and ethno-political monitoring with the integration of structures at the federal and regional levels and increasing attention to the local (municipal) level, early diagnosis and prevention of conflict situations, support for domestic culture and art, moral shaping of the elite and the training of personnel reserve in the spirit of awareness of belonging to the all-Russian civil nation.

Igor V. Bakhlov,
Doctor of Political Science,
Head of Department of General History,
Political Science and Area Studies,
National Research Center under the Ogarev
Mordovia State University

Olga V. Bakhlova,
Doctor Political Science, Professor with the
Department of General History,
Political Science and Area Studies,
National Research Center under the Ogarev
Mordovia State University

Ключевые слова:

государственная национальная
политика, государственное управление,
межэтнические отношения,
общероссийская гражданская
идентичность, полиэтническое государство,
угрозы и вызовы, традиционные ценности,
этнополитика

Keywords:

national policy, public administration,
interethnic relations, all-Russian civic identity,
multi-ethnic state, threats and challenges,
traditional values, ethno-politics

References:

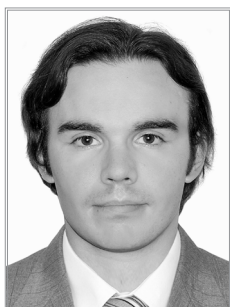
1. Bogatova, O.A., 2018. Nacionaliziruyushchij diskurs v mediapolitike identichnosti respublik v sostave RF (na primere Respubliki Mordoviya) [Nationalizing discourse in media policy of identity of republics within the Russian Federation (on the example of the Republic of Mordovia)]. *Vestnik Rossijskoj nacii* [Bulletin of the Russian nation]. No. 2(60). S. 140-162.
2. Byzov, L.G., 2016. Cennostnaya transformaciya rossijskogo obshchestva na fone social'no-politicheskogo krizisa i postkrymskogo sindroma [Transformational Processes of the Russian Companies on the Background of Socio-political Crisis and postkrymsky Syndrome]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity]. No. 6. S. 5-20.

3. Gadzhiev, K.S. 2018. Rossijskaya Federaciya: nacional'noe gosudarstvo ili gosudarstvo narodov? [Russian Federation: national state or state of peoples?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political studies]*. No. 3. S. 130-146.
4. Zaykov, K.S., Maksimov, A.M., Tamitskiy, A.M., Troshina, T.I., 2018. Etnosocial'naya situaciya v arkticheskikh regionah Rossii i gosudarstvennaya nacional'naya politika [Ethnosocial Situation in Arctic Regions of Russia and the State National Policy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political studies]*. No. 2. S. 57-67.
5. Zorin, V.Yu., 2018. Strategiya gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii: promezhutochnye itogi i novye orientiry [Strategy of the state national policy of the Russian Federation: interim results and new guidelines]. *Vestnik Rossijskoj nacii [Bulletin of the Russian nation]*. No. 1(59). S. 13-30.
6. Zorin, V.Yu., 2019. Rossijskaya etnopolitika na sovremennom etape: tradicii i innovacii [The Russian ethnopolicy at the present stage: traditions and innovations]. *Vestnik Rossijskoj nacii [Bulletin of the Russian nation]*. No. 2(66). S. 9-33.
7. Klimenko, E.V., 2015. Integraciya i razlichiya. O grazhdanskoj nacii v Rossii [Integration of the Diversity. Formation of the Civic Nation in Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political studies]*. No. 6. S. 131-143.
8. Kurbanova, A.M., 2018. Ideologicheskie osnovy formirovaniya nacional'noj i konfessional'noj politiki Rossii na Severnom Kavkaze [Ideological foundations for the formation of Russia's national and confessional policy in the North Caucasus]. *Vestnik Rossijskoj nacii [Bulletin of the Russian nation]*. No. 2(60). S. 128-139.
9. Letnyakov, D.E., 2018. Politiko-ideologicheskie trendy postsovetских obshchestv: popytka obobshcheniya [Political and ideological trends of post-Soviet societies: an attempt to generalize]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political studies]*. No. 1. S. 129-142.
10. Pain, E.A., Prostakov, S.A., 2014. Mnogolikij russkij nacionalizm. Idejno-politicheskie raznovidnosti (2010–2014 gg.) [Multi-faceted Russian nationalism. Ideological and political versions (2010–2014)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political studies]*. No. 4. S. 96-113.
11. Prokhorenko, I.L., 2016. Vozmozhnosti prostranstvennogo podhoda v izuchenii etnopoliticheskoj konfliktnosti [Possibilities of Spatial Approach in Analysis of Ethnopolitical Conflicts]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political studies]*. No. 6. S. 127-138.
12. Rybakov, S.V., 2016. Strategiya gosudarstvennoj nacional'noj politiki v Rossii v prelomlenii sovremennoj nauchnoj metodologii [Strategy of state national policy in Russia in the refraction of modern scientific methodology]. *Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura [Ethnosocial and ethnic culture]*. No. 10(100). S. 15-23.
13. Semenenko, I.S., Lapkin, V.V., Bardin, A.L., Pantin, V.I., 2017. Mezhdru gosudarstvom i naciej: dilemmy politiki identichnosti na postsovetском prostranstve [Between the state and the nation: dilemmas of identity politics in the post-Soviet space]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political studies]*. No. 5. S. 54-78.
14. Sulejmanov, A.R., Hadimullin, R.R., 2016. Indeksy ocenki effektivnosti gosudarstvennoj nacional'noj politiki v rossijskikh regionah [Indices for evaluating the effectiveness of state national policy in Russian regions]. *Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura [Ethnosocial and ethnic culture]*. No. 6(96). S. 69-74.
15. Suleymanova, Sh.S., 2019. Rol' SMI i nacional'nyh obshchestvennyh ob"edinenij v realizacii Strategii nacional'noj politiki [The role of media and national public associations in implementing the Strategy of national policy]. *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij [Issues of national and Federal relations]*. Volume 9. No. 7(52). S. 994-1005.
16. Sungurov, A.Yu., Belyavskaya N., 2018. Postsovetские territorial'nye konflikty v Moldove i Estonii: kogda politicheskie elity mogut učit'sya na oshibkah drug druga [Post-Soviet territorial conflicts in Moldova and Estonia: when political elites can learn from the mutual mistakes]. *Sravnitel'naya politika [Comparative politics]*. Volume 9. No. 1. S. 91-99.
17. Tishkov, V.A., 2019. Rossijskaya identichnost': vnutrennie i vneshnie vyzovy [Russia's identity: grand challenges]. *Vestnik Rossijskoj Akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*. Volume 89. No. 4. S. 408-412.
18. Urazbaev, E.E., 2017. Etnonacional'naya politika v Latvii i Estonii v kontekste institucionalizacii nacionalizma [Ethnopolitics in Latvia and Estonia in the context of the institutionalization of nationalism]. *Vlast' [The Authority]*. Volume 25. No. 6. S. 146-152.
19. Gisselquist, R.M., 2014. Ethnic Divisions and Public Goods Provision, Revisited. *Ethnic and racial studies*. Volume 37. No. 9. P. 1605-1627.
20. Jenne, E K., 2017. Above, Below and Beyond the State: New Directions in Ethnic Conflict Studies. *Ethnopolitics*. Volume 16. No. 1. P. 48-55.
21. Kolstø, P., Blakkisrud, H., eds., 2016. The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015. Edinburgh.
22. Laruelle, M., 2017. Is Nationalism a Force for Change in Russia? *Daedalus*. Volume 146. No. 2. P. 89-100.
23. Parekh, Bh., 2019. Ethnocentric Political Theory. London.
24. Prina, F., 2018. National in Form, Putinist in Content: Minority Institutions 'Outside Politics'. *Europe-Asia Studies*. Volume 70. No. 8. P. 1236-1263.
25. Wimmer, A., 2018. Nation Building: Why Some Countries Come Together While Others Fall Apart. *Survival*. Volume 60. No. 4. P. 151-164.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КЕЙСОВ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ДЕЛИБЕРАТИВНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ИНТЕРНЕТ-СФЕРЕ

Андрей Линде*

DOI 10.24833/2073-8420-2020-1-54-51-60

Введение. В данном исследовании в сопоставлении анализируются два противоположных подхода к построению интернет-сферы. Первый -технократический подход-утверждается в кибернетико-системной методологии, основан на технократическом управлении обществом и предполагает тотальное управление интернет-сферой в интересах государственной системы, подавление отдельной личности через «программирование» её сознания. В этом подходе, анализируемым кейсом служит «система социального доверия» в Китае.

Второй-делиберативно-демократический подход - исходит из феноменологии и служит основой для эгалитарной модели делиберативной демократии, предполагающей всеобщее обсуждение и значимость смыслов, сообщаемых каждой личностью в интернет-сфере. Анализируется кейс онлайн-делиберативных обсуждений, служащих выявлению мнений самих граждан и определению подлинного общественного мнения.

Материалы и методы. В данной статье используются логические методы анализа: анализ, синтез, сравнительный анализ.

Результаты исследования. В данном исследовании показано, как кибернетико-системная методология, холистски анализирующая общество и предполагающая его программирование «сверху вниз», ведёт к технократическому управлению обществом и интернет-сферой. Также показывается, как феноменологический подход, направленный на восприятие личностных смыслов каждого гражданина, становится основой делиберативной демократии и онлайн-делиберативных обсуждений.

Обсуждение и заключение. В статье было выявлено следующее. Показаны серьёзные риски, к которым приводит применение кибернетико-системных принципов в управлении интернет-сферой: программирование сознания личности, выхолащивание переживаемых ей смыслов, регулирование всей общественной жизни. В противопоставлении с кибернетическим подходом, аналитически показываются преимущества феноменологического подхода, воспринимающего личностные смыслы каждой личности и ведущего к их раскрытию в интернет-сфере, что создаёт фундамент для сохранения демократического режима.

* **Линде Андрей Николаевич**, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры регионального управления и национальной политики МГИМО МИД России
e-mail: anlinde@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8195-0697

Введение

В целом, *главный вопрос* нашего исследования заключается в том, каким образом в современной интернет-сфере возможно подлинное сохранение и развитие человеческой личности?

В современных социальных науках можно выделить два фундаментальных направления и во многом противопоставить их: основанное на точных науках «холистское», системно-функциональное направление и основанное на философии, «понимающее», «индивидуалистическое» феноменологическое направление. Важно отметить, что основные представители системно-функционального подхода - такие, как Т. Парсонс, Д. Истон, Н. Луман и др. - основывались на кибернетической методологии [9. С. 52], разработанной Н. Винером в математике, У. Матураной, Ф. Варелой в естественных науках и т.д. Поэтому для нас здесь будет удобнее называть системно-функциональное направление кибернетико-системным направлением.

В ряде предыдущих исследований нами был проведён подробный сравнительный анализ этих направлений: по их основным положениям и противоречиям между ними [8]. Также были представлены некоторые преимущества феноменологического направления как с духовной, нормативно-ценностной, так и с научно-исследовательской точек зрения.

Также нами отдельно был проведён сравнительный анализ этих направлений, с точки зрения их применения к двум различным подходам в государственном управлении. Исходя из различий самих принципов, нормативных оснований и методологии, отношения к человеческой личности в этих двух разных направлениях, определялось, что кибернетико-системный подход связан с безличным технократическим управлением - а феноменологический - с исходящей из личности делиберативной демократией.

Важно, что на основе кибернетическо-системного и феноменологического направления могут сформироваться две наиболее противоположные модели развития интернет-сферы в будущем.

Исследование

Поэтому *цель* этого исследования - в сравнительном анализе сопоставить, являющийся основой технократии, кибернетический подход к регулированию интернет-сферы, воспроизводящему систему технократии,

и обосновывающий делиберативную демократию, феноменологический подход к утверждению свободных, равноправных и рациональных демократических «делиберативных» обсуждений, служащих становлению личности.

Для достижения этой цели *первой задачей* является, руководствуясь *кибернетико-системным подходом*, проанализировать кейс, когда при помощи государственного кибернетико-системного регулирования интернета утверждается авторитарное регулирование человеческой личности, поэтому подменяются собственные взгляды и интересы людей, при помощи разных технологий манипуляции.

Последующей, *второй задачей* является, оформляя исследование при помощи *феноменолого-социологического подхода*, показать, как в интернет-сфере в равноправном диалоге людей как индивидуальных личностей их собственные смыслы проясняются и затем артикулируются на политическом уровне.

В данной работе используются основные логические методы исследования: анализ, синтез, сравнительный анализ и др.

Изучение теоретико-методологических оснований государственного управления и его применения в интернет-сфере имеет и следующее важное значение. Кибернетический - технократический подход и феноменологический - делиберативный подход не являются просто научными конструктами, но их определённые принципы, установки, образ мышления существуют в сознании людей: лиц, принимающих решения и рядовых граждан. Затем кибернетические или феноменологические принципы и установки определяют и особое видение, восприятие политической действительности. В итоге это обуславливает у политических руководителей, в соответствии с исповедуемыми ими научными принципами, определённые способы взаимодействия с действительностью и её преобразования. Так, различаются типы государственного управления, руководимого кибернетико-системной методологией и технократическими принципами, или, напротив, воспринявшего принципы феноменологии, ориентированной на личностные смыслы каждого человека, и затем положения делиберативной демократии, публичной политики.

С одной стороны, именно в интернет-сфере может реализоваться:

1. Всеобщее волеизъявление посредством непосредственного участия пользователей в интернет-обсуждениях.

2. Устраняется посредническая функция, при которой технократы могли произвести отчуждение власти от общества. Реализуются принципы прямого формирования мнения, обсуждения между участниками.

3. Интернет-общение отвечает горизонтальной, субъект-субъектной структуре коммуникации. В интернете, в противоположность классическим СМИ (газеты, телевидение) возможна горизонтальная, а не вертикальная коммуникация — когда информация передаётся от источника информации получателю. В интернет-коммуникации каждый участник может быть субъектом - одновременно и источником, и получателем сообщений.

С другой стороны, в современности большее развитие информационных, интернет-технологий позволяет развивать в политической коммуникативистике для субъектов государственного управления различные способы «коммуникационного воздействия» [4. С. 2], осуществляемого при помощи навязывания «виртуальных образов, представлений и смыслов... массовых предпочтений, представлений, стереотипов» [4. С. 3-4]. В воздействии власть преследует цель ограничить нормы «реакции, оценки и модели поведения представителей гражданского общества» [4. С. 4]. И такое развитие подхода воздействия отражает стремление политических элит «конструировать восприятие обществом социальной реальности» [4. С. 2].

С нашей точки зрения, это прямо взаимосвязано с определением принципов кибернетического - холистского и феноменологического - личностного направлений и последующей институционализацией этих принципов на уровне государственного управления.

Определим, в чём заключается применение этих направлений и основанных на них моделей государственного управления к развитию интернет-сферы.

1. Кибернетико-системный – технократический подход к управлению

Сейчас сначала рассмотрим понимание технократического управления интернет-сферой, которое сложилось в кибернетико-системном подходе.

1.1. Теоретико-философский уровень

Так, в кибернетике Н. Винер предложил научно-техническое понятие «самовоспроизводящейся системы», перенятое в социальной теории Т. Парсонсом для анализа общества в целом и человека в обществе. «Систе-

ма» определяется следующим образом: в механистической технике или естественном индивидуальном организме на более высоком уровне развития элементы способны складываться в общую систему, обладающую свойством эмерджентности - несводимости новых свойств образовавшейся системы к свойствам её отдельных элементов. Поэтому процессы в системе объединяются в общую, согласующуюся, «синергическую деятельность» [2. С. 20], постепенно складываясь в «один орган» [2. С. 22]. Но очевидно, что общество, только находящееся на ранней стадии развития, и более сложные, постиндустриальные общества, нельзя определить как просто некую единую биосистему или как жизнь системы-муравейника и т.д.

Так, в системном анализе общества, понимаемом как эмерджентная совокупность элементов в совместной, согласующейся деятельности, точно не определена роль отдельной личности. Предположительно, она будет пониматься только как элемент общей системы, что противоречит как философским, личностным принципам персонализма, так и принципам демократического идеала. Скорее такой системный подход приведёт к центристскому, *технократическому*, авторитарному субъект-объектному управлению обществом. Следовательно, это также говорит о стремлении государственных технократов к цельному управлению обществом.

В кибернетическом направлении система определяет нормы и ценности, в соответствии с которыми лично, искренне должен действовать сам индивид. В системном подходе в принципе исключается, что личность способна совершать индивидуальное действие, исходя из субъективных, личностных норм и представлений. Как раз сама система определяет, каким образом индивид должен совершать своё действие, а именно «во исполнение общих норм и ценностей» [1. С. 118], искусственно сотворённых техническими конструкторами системы.

В кибернетико-системном направлении не сама отдельная личность, а общая технократическая система как целое определяет нормы развития личности, стремится технически воспроизводить определённый ей тип личности. Поэтому невозможно раскрытие глубинного человеческого «я», в связи с его экзистенциальным осмыслением жизни. Развитие технократической власти приводит к технизации самой человеческой личности и её сознания, ставших только механическим элементом общей системы.

Следовательно, не развивается сама личность, исходя из её душевного склада, стремлений и мечтаний. Поэтому фактически происходит принудительное программирование в сознание людям определённых норм и ценностей, в связи с целями, поставленными технократией, государственными органами всему обществу. В таком подходе к технократическому управлению интернет-сферой никак не учитываются собственные человеческие представления, глубинные взгляды, экзистенциальные ощущения.

Напротив, в демократическом подходе экзистенциальные ощущения людей должны обсуждаться и формировать политику.

Важно, что представители кибернетико-системного подхода в принципе не предполагают, что гражданское общество и отдельные социальные группы способны формировать рациональное мнение и коммуницировать с властью. Так, Н. Луман утверждал, что невозможно определить, выявить реально существующее мнение социальных групп по затрагивающим их вопросам. «Невозможно узнать, какой школьной реформе отдадут предпочтение крестьяне, какую экспериментальную систему предпочтут домохозяйки, какие условия труда предпочтут преподаватели средней школы» [17. Р. 15-17]. Поэтому предполагается, что только государственная власть должна формировать и направлять коммуникацию, определять правильное и отклоняющееся мнение и внедрять «правильное» в обществе. Но, исходя из ценности человеческой личности, глубокая, сложная и многообразная жизнь всего общества не может быть построена просто по образцу управления корпорацией - «корпоративизму».

Таким образом, развитие на практике принципов кибернетико-системного подхода формирует опасность становления тоталитарного режима на основе всеобщего регулирования жизни людей, за счёт тотального кибернетического программирования их сознания.

Так, сам Н. Винер приводит критику проведения властью государственного управления по принципам кибернетической техники, когда человек или отдельная группа людей с целью «господства... политические лидеры могут... управлять своим народом посредством политической техники... слабость машины... состоит в том, что она не может пока учесть... область вероятности, которая характеризует человеческую ситуацию. Господство машины предполагает общество, достигшее возрастающей энтро-

пии, где... статистические различия между индивидуумами равны нулю» [3. С. 184]. Такой подход приводит к технократическому правлению элиты, «которое антидемократично» [10. С. 256].

1.2. Практический уровень

Определим значение кибернетико-системного тотального управления интернет-сферой при анализе соответствующего кейса - «Системы социального доверия» в Китае [7].

В Китае, впервые в мире в целом, происходит становление тотального государственного кибернетико-системного управления, при помощи интернет-системы социального доверия. Она собирает информацию о социальной деятельности граждан при помощи системы Big data - анализа больших потоков информационных данных. В целом, она полностью построена на принципах и целях кибернетико-системного подхода, приводящего к технократическому управлению интернет-сферой, и через интернет стремящемуся к управлению всем обществом.

Эта система социального доверия стала складываться в Китае в середине 2000-х гг. Тем не менее, свой современный характер - системы тотального слежения за деятельностью людей - она приобрела только после того, как её преобразовала администрация Си Цзиньпина - генерального секретаря коммунистической партии с 2014 г.

Так, «Госсовет КНР в 2014 году опубликовал новый документ - «Программу создания системы социального кредита (2014-2020)»... Из программы следует, «что... не только каждая компания, но и каждый житель... Китая будет... оцениваться... системой в режиме реального времени. Рейтинг доверия физлиц будет привязан к... паспорту... публиковаться в централизованной базе данных в интернете в свободном доступе» [7].

Эта система предполагает регулирование всех сфер жизни людей: не только профессиональной жизни, но и отношений в браке и с детьми, в семье, в личном общении со знакомыми и случайными, незнакомыми людьми и даже в личной сфере. Таким образом, фактически, каждое частное действие человека определяется внешней социальной системой, а не субъективным мнением самого человека.

Такая система предполагает регулирование людей за счёт встраивания их в определённую иерархию рейтинга, представляющую собой такую же кибернетическую систему управления.

Эта система уже начала работать в 30 крупных городах Китая. В городе Жунчэне «единый информационный центр анализирует... 160 тысяч различных параметров из 142 учреждений... рейтинг гражданина... повышается, либо снижается... если... рейтинг больше 1050 баллов, то ты образцовый гражданин... Если... ниже 849 - тебя выгонят со службы в государственных... структурах... у кого 599 баллов и ниже... записывают в черный список... их не берут почти ни на какую работу» [7].

Так, например, оценивается, насколько часто человек посещает родителей, не проводит ли он много времени не за работой, а в интернете, вежливо ли он ведёт себя с коллегами, незнакомыми людьми, не общается ли он с людьми с низким рейтингом и т.д.

В соответствии с принципами кибернетического подхода, нормы и ценности, по которым живёт общество, определяет государственная система - Политбюро коммунистической партии Китая, государственный комитет по развитию и реформам и т.д. А сбором и распространением информации занимаются как государственные силовые органы, так и крупнейшие корпорации (Alibaba, Tencent и т.д.), также собирающие информацию об окружающих и таким образом повышающие свой рейтинг обычные граждане.

В целом, главная задача, и это прямым текстом указывается в «Программе Госсовета», чтобы «оправдавшие доверие пользовались всеми благами, а утратившие доверие не могли сделать ни шагу» [7].

Таким образом, личность полностью регулируется, создаётся и воспроизводится кибернетической системой государственно-административного управления. Человек не может проявить собственные убеждения, совершенно никак не влияет на содержание внешних норм, по которым фактически искусственно создаются его собственная личная жизнь и отношения с другими людьми в обществе. Значит, искренние идеи и убеждения не раскрываются, а государственная система действует просто как автоматизированная техника.

В результате реализация такой системы управления обществом через интернет-сферу может привести к модели тотального технократического управления всем обществом, просто «автоматизированных» людей - угрозе, о которой писал ещё Н. Винер.

Важно, что в таком технократическом подходе невозможно собственное развитие человека, основанное на его мировосприя-

тии, поставленных целях в жизни, осмыслении себя. Напротив, через интернет-сферу формируется кибернетическая сеть постоянного оценивания и контроля личности, определяющая значение каждого действия человека как благое или дурное. При этом нравственность поступков определяется не Богом, а программируется технократом - функционером системы, конструируемой правителем-«демиургом».

Важно, что такой опыт может быть применён не только администрацией Китая. Нельзя сказать, что в мире в целом никогда не применялась система кибернетического управления. Так, философ Ж. Делёз утверждал, что в современных информационных обществах начинает развиваться управление всеми сферами жизни людей при помощи информационного контроля, таким образом, постепенно в Европейских и других странах утверждаются «общества контроля». Но в Европе только частично утвердились такие методы регулирования и они не носят формальный, юридически закреплённый характер. А в Китае эта система тотально регулирует все сферы человеческой жизни и провозглашена на юридическом и высшем официальном - идеологическом уровнях. Угрозу представляет перенятие другими государственными администрациями такого опыта управления обществом и отдельной личностью.

Фактически человек и его действия тогда полностью программируются системой, исключается возможность личного осмысления человеком своих действий, личного выбора и принятия продуманного, рационального решения. В целом, это может привести к полному разрушению автономной, естественной человеческой личности. Поэтому данная модель технократического управления обществом является совершенно неприемлемой для нормальной человеческой жизни и требуется развитие другой модели, основанной на самостоятельном человеческом выборе и развитии человеческой личности. Но личность обладает самостоятельной, суверенной значимостью, а не является просто зависимой переменной социума, воспроизводящей государственную систему.

2. Феноменологический - делиберативно-демократический подход к управлению

С нашей точки зрения, этим гуманистическим требованиям отвечает модель делиберативной демократии, в том числе в интернет-сфере - модель онлайн-делиберации самих граждан.

2.1. Теоретико-философский уровень

В феноменологической социологии, в противоположность кибернетическому подходу, интерпретировался личностный смысл в индивидуальном сознании человека и интерессубъективные смыслы, близкие отдельным социальным группам. Поэтому этот подход ближе к прояснению представлений самих граждан и разных групп гражданского общества, а также к эгалитарным моделям демократии, расширительно понимающим роль гражданского общества (в том числе модели делиберативной демократии).

Рассмотрим эту проблему подробнее. В феноменологической социологии было доказано, что по своей природе человеческое сознание не является просто продуктом, сконструированным существующими структурами власти, языка и т.д., или внешними условиями и односторонне направленной информацией. Сознание имеет личную, неотчуждаемую сущность и обладает суверенным значением.

По утверждению основателя феноменологии Э. Гуссерля, познанию человеком окружающей действительности предшествует развивающийся в его сознании *«жизненный мир»*. Важно, что жизненный мир происходит из сознания отдельной личности или из интерессубъективного сознания социальных групп. Жизненный мир представляет собой совокупность непосредственных представлений людей о себе, окружающем мире, не объективно заданных, а субъективных норм, ценностей, религиозных предпочтений, сформированных в повседневном жизненном опыте. Сквозь «призму» ценностей жизненного мира человек воспринимает действительность, эти нормы и ценности не зависят от «научных констатаций» [5. С. 176].

Важно, что развивавший идеи феноменологии на прикладном уровне Г. Гарфинкель в ряде экспериментов доказал, что человек в своей жизни всегда действует осмысленно и исходит из некоторого глубокого смысла. Так, в ряде исследований учёный доказал, что сам индивидуум осуществляет личное социальное (в т.ч. политическое) действие, основываясь на человеческом здравом смысле. Таким образом, мы полагаем, что в своих практических исследованиях Г. Гарфинкель смог опровергнуть определение системного подхода, что личное (даже совершенное искреннее по намерениям) действие человека всегда «происходит во исполнение общих норм и ценностей» [1. С. 118], определяемых кибернетической системой.

В противоположность системному подходу, феноменология делает первичным объектом микроуровневого исследования именно индивидуальные смыслы и сознание личности. Гуманистичность такого подхода также осуществляется в том, что коммуникация служит взаимопониманию между гражданами, когда Другой «воспринимается не как организм, а такой же человек, его поведение воспринимается как действия такого же человека, как и мы» [11. С. 488]. Это, в целом, служит раскрытию «я» личностей, их самости.

Затем феноменология была фактически связана с политическими исследованиями по представлению гражданами своих суждений в демократии. Первым учёным, соединившим феноменологические исследования и теорию демократии в новой концепции, был немецкий философ Юрген Хабермас. Именно он показывал, опираясь на понятие «жизненного мира», как личные убеждения, представления, суждения граждан должны артикулироваться и направлять действия государственной власти. Это необходимо для сохранения особенно ценного суверенитета человеческой личности и её «жизненного мира». Эти идеи были представлены Ю. Хабермасом в его оригинальной концепции «делиберативной демократии», определявшей принципы совещания между гражданами и требование влияния гражданского общества на власть.

Делиберативная демократия (от англ. *deliberate* – обсуждать, обдумывать) представляет собой особый подход к демократическому режиму, согласно которому для сохранения изначальных принципов демократии необходимо расширить власть гражданского общества и его влияние на государственный аппарат при помощи процедуры рационального обсуждения. Обсуждение затрагивает как проекты правительства, так и собственные инициативы граждан. Делиберативная демократия предполагает «компетентность в полемике, использование интеллекта общественности в государственных делах и непредвзятость в обретении истины» [10. С. 382-383]. Демократическая дискуссия должна быть «информированной, сбалансированной, сознательной, независимой и всесторонней» [14. Р. 285].

2.2. Практический уровень

Рассмотрим подробнее кейс экспериментов по демократической онлайн-делиберации.

Принципы делиберативной демократии были перенесены в практическую сферу в ряде демократических новаций и исследова-

ний, важнейшими из которых являются работы Дж. Фишкина.

Дж. Фишкин пишет о проведенных форумах, делиберативных голосованиях с равной выборкой среди населения [14. Р. 284-298]. Уже в 90-е гг. эксперименты были проведены в реальной жизни в городах США, Австралии, Японии и др. стран. Затем эксперименты были повторены в 2000-е гг. с теми же условиями, но не в реальной жизни, а в интернет-обсуждениях. Эти результаты экспериментов также, в основном, совпали [13. Р. 29].

Изначально целью этих экспериментов было удовлетворить двум нормативным требованиям демократии к мнениям людей: «рассудительности» высказываний на обсуждениях и «равному» представлению всех высказываний в рамках обсуждений. С одной стороны, эти мнения должны быть рациональными, отрефлексированными. А с другой стороны, это должны быть настоящие мнения, представляющие самих граждан и всех граждан. Это исключает сконструированные технократической системой извне искусственные манипулятивные утверждения и суждения только элитарной части населения. Только удовлетворение этих условий соответствовало нормативным требованиям классической эгалитарной демократии.

После удачного проведения, эти эксперименты также могут заложить основания институтов онлайн-делиберации.

Теперь рассмотрим подробнее условия и результаты данных экспериментов.

Условия эксперимента в целом были следующими:

1. Производилась равная выборка граждан среди населения.
2. В первый день эксперимента проводилась дискуссия между гражданами по конкретной политической проблеме. Она сопровождалась предоставлением гражданам фактической информации о политических проблемах, качественной - об отношении партий к определенному идеологическому направлению. Представляется, это частично соответствует требованию Ю. Хабермаса о распространении информации в обществе. Дискуссия была сопровождена голосованием всех участников, результаты представляли их первые, неотрефлексированные мнения по вопросам дискуссии.
3. Дискуссия сопровождалась регулированием модераторов.
4. Сама дискуссия продолжалась в течение недели. В завершении эксперимента

была проведена повторная дискуссия и проведено повторное голосование по политическим вопросам. Результаты представляли уже отрефлексированные, несколько изменившиеся мнения граждан по вопросам дискуссии.

В результате исследования, учёные пришли к следующим выводам:

- «1. Участники являются представительными; 2. Мнения часто меняются (в ходе обсуждения – прим. авт.); 3. Стремления проголосовать часто меняются; 4. Участники приобретают информацию; 5. Изменения во мнениях и голосованиях и приобретения информации соотносятся; 6. Изменения во мнениях и голосовании не соотносятся с общественным положением; 7. Предпочтения не обязательно «поляризуются» среди дискуссионных групп; 8. Предпочтения не обязательно становятся однородными в дискуссионных группах; 9. Сбалансированная делиберация-обсуждение направляет продвижение сбалансированного изучения» [14. Р. 292].

Д. Хелд пишет, что результаты проведения делиберативных форумов значительно отличаются от обычных опросов населения. Участие в форуме позволяет выработать «рефлексивную» точку зрения граждан, сформировавшуюся на основе полученной информации и дебатов с представителями других точек зрения. В то время, когда в социологических опросах представлены мнения менее информированных людей, не учитывавших противоположную точку зрения граждан демократического государства.

Исследования Дж. Фишкина продемонстрировали, что при проведении «делиберативных» форумов, мнения сторон дискуссии меняются, становятся более рефлексивными, продуманными, зависящими от нормативных, а не от «эмоциональных» критериев. И между дискутирующими происходит не поляризация, а сближение взглядов по разным вопросам.

Рассмотрим, как эта модель относится к социальным нормам и ценностям. В модели делиберативной демократии этичность норм, представлений не провозглашается правящей управленческой элитой и не внедряется в сознание человека, а свободно воспринимается самим человеком. Поэтому, в отличие от кибернетического подхода, подлинно гуманистический подход, стремящийся к развитию личности, основывается на концепции творческого человека, приводящего к развитию всего общества и демократии.

Правда, в отличие от подхода технократических «демиургов», эти нормы не только самолично, монологически, «солипсически» принимаются личностью. Эти нормы и ценности должны также рефлексироваться самим человеком. Также в публичной сфере должно существовать пространство для свободного этического диалога, в котором самими гражданами взаимно воспринимаются, обсуждаются и взаимоутверждаются этические нормы и ценности. Это также способствует сохранению и развитию человеческой личности.

Таким образом, по результатам этого эксперимента можно говорить, что применение принципов делиберативной демократии в интернет-сфере возможно и в действительности.

А значит, возможна и реализация духовных принципов суверенной личности, её развития и влияния на политический процесс. Но для этого необходимо разрабатывать институты демократической онлайн-делиберации, которые способствуют развитию диалогической коммуникации и достижению взаимопонимания между людьми во всех современных обществах.

Заключение

Таким образом, на основе проведённого анализа делаются следующие *выводы*:

1. Кибернетико-системный подход к государственному управлению, при закреплении в интернет-сфере, приводит только к программированию сознания граждан при помощи интернет-технологий, выхолащивания самой человеческой личности, постепенному образованию, согласно подходу Ж. Делёза, обществ контроля. Создаваемая в Китае «система социального доверия» приводит к выхолащиванию личности.

2. Напротив, исходящая из феноменологии реализация собственных глубинных смыслов личности в интернет-обсуждениях может позволить гражданам равно раскрыть их личности и артикулировать их собственные смыслы на политическом уровне. Это показано на примере делиберативных онлайн-обсуждений, основанных на нормативных принципах феноменологической социологии. Их основная цель - создать условия, в которых может обогатиться значимость своих идей каждая личность.

3. Таким образом, реализация принципов феноменологии в интернет-обсуждениях, при их поддержании и воспроизведении, может помочь реализации делиберативной демократии: сначала на «низовом» уровне, а затем и на общегосударственном.

Литература:

1. Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 98-124.
2. Винер Н. Моё отношение к кибернетике. Её прошлое и будущее. М., 1969.
3. Винер Н. Человеческое использование человеческих существ: кибернетика и общество // Винер Н. Человек управляющий. СПб., 2001.
4. Володенков С.В. От информации к коммуникации: коммуникационные технологии в условиях современного постинформационного общества // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). № 4. 2016. С. 1-10.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию. СПб., 2013.
6. Гуторов В.А. Политические коммуникации и СМИ как факторы эволюции теории демократии // SCHOLA-2014: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М., 2014. С. 334-346.
7. Ковачич Л. Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру // Московский центр Карнеги. 2017. URL: <http://carnegie.ru/commentary/71546>
8. Линде А.Н. Значение феноменологического подхода к коммуникации (в сравнении с системно-функциональной теорией) // Коммуникация как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов. М., 2015. С. 88-97.
9. Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. Политические исследования. № 5. 2009. С. 41-54.

10. Хелд Д. Модели демократии. М., 2014.
11. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1994.
12. Craig R.T. Communication theory as a field // Communication Theory. № 9. Vol. 2. 1999. P. 119-161.
13. Fishkin J. Virtual Public Consultation: Prospects for Internet Deliberative Democracy // Online deliberation. Design, research and practice. Stanford: CSLI Publications. 2009.
14. Fishkin J., Luskin R. Experimenting with a Democratic Ideal: Deliberative Polling and Public Opinion // Acta Politica. Stanford. 2005. P. 284-298.
15. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. New Jersey: Prentice-Hall. 1967.
16. Habermas J. The theory of communicative action. Vol. 1. Boston, Beacon Press. 1985.
17. Luhmann N. Politische Planung: Aufsätze zur Soziologie von Politik und Verwaltung. Wiesbaden: Springer Fachmedien. 1994.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE TECHNOCRATIC GOVERNANCE CASES AND DELIBERATIVE-DEMOCRATIC SELF-RULE IN THE INTERNET-SPHERE

Introduction. The paper compares two approaches to the formation of the internet-sphere. The technocratic approach strengthens itself in the cybernetic-system methodology, it is based on the technocratic governance of society and implies the total governance of the internet-sphere in the interests of the government, the suppression of the individual personality by "programming" its consciousness. This approach is evidenced by "the system of social credit" in China.

The deliberative-democratic approach emerges from phenomenology and substantiates an egalitarian model of democracy which implies a universal discussion and importance of the meanings sent by each person in the internet-sphere. The case of on-line-deliberative forums is analyzed. These forums serve to reveal the opinions of the citizens themselves and to define the genuine public opinion. The advantages of the second approach are identified.

Materials and methods. This article uses logical methods of analysis: analysis, synthesis, comparative analysis.

The results of the study. This study shows how the cybernetic-systemic methodology holistically analyzing society and assuming its programming "from top to bottom" leads to technocratic govern-

ance of society and the Internet. It also shows how the phenomenological approach aimed at perceiving the personal meanings of each citizen becomes the basis of deliberative democracy and online deliberative discussions.

Discussion and conclusions. The paper arrives at the following conclusions. Serious risks produced by the use of the cybernetic-systemic principles in governing the Internet sphere are shown: programming the personality consciousness, emasculating the senses experienced by it, and regulating the entire social life. In contrast with the cybernetic approach, the advantages of the phenomenological approach are analytically shown, because it perceives the personal meanings of each individual and leads to their revealing in the Internet sphere, which creates the foundation for maintaining a democratic regime.

Andrey Linde,
PhD (Political science),
Senior Lecturer with the Department of
Regional Governance and National Politics,
MGIMO (University) under the Ministry for
Foreign Affairs of Russia

Ключевые слова:

интернет-сфера, кибернетико-системный подход, феноменологический подход, технократия, делиберативная демократия, публичная сфера

Keywords:

internet-sphere, cybernetic-system approach, phenomenological approach, technocracy, deliberative democracy, public sphere

References:

1. Abels H., 1998. Romantika, fenomenologicheskaya sociologiya i kachestvennoe social'noe issledovanie [Romantic, phenomenological sociology and qualitative social research]. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii [Journal of

- sociology and social anthropology*]. № 1. P. 98-124.
2. Wiener N., 1969. Moje otnoshenie k kibernetike. Ego proshloe i budushhee [My connection with cybernetics. It's origins and it's future]. Moscow.
 3. Wiener N., 1998. Chelovecheskoe ispol'zovanie chelovecheskih sushchestv: kibernetika i obshchestvo [The Human Use Of Human Beings: Cybernetics And Society]. Wiener N., *Chelovek upravlyayushchij* [Human governing]. Boston.
 4. Volodenkov S.V., 2016. Ot informacii k kommunikacii: kommunikacionnye tekhnologii v usloviyah sovremennogo post-informacionnogo obshchestva [From information to communication: communication technologies in the conditions of the modern post-information society]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal)* [Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal)]. No. 4. P. 1-10.
 5. Husserl E., 2013. Krizis evropejskih nauk i transcendentálnaya fenomenologiya: vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy]. St. Petersburg.
 6. Gutorov V.A., 2014. Politicheskie kommunikacii i SMI kak faktory evolyucii teorii demokratii [Political communications and the media as factors in the evolution of the theory of democracy]. SCHOLA-2014: *Sbornik nauchnykh statej fakul'teta politologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova* [SCHOLA-2014: Collection of scientific articles of the Department of Political Science of Moscow State University named after M.V. Lomonosov]. Moscow.
 7. Kovachich L., 2017. Bol'shoj brat 2.0. Kak Kitaj stroit cifrovuyu diktaturu [Big Brother 2.0. How China builds a digital dictatorship]. *Carnegie Moscow Center*. URL: <http://carnegie.ru/commentary/71546>
 8. Linde A.N. 2015. Znachenie fenomenologicheskogo podhoda k kommunikacii (v sravnenii s sistemno-funkcional'noj teoriej) [The meaning of the phenomenological approach to communication (in comparison with the system-functional theory)]. *Kommunikaciya kak disciplina i oblast' znaniya v sovremennom mire: dialog podhodov* [Communication as a discipline and as a area of knowledge in the modern world: a dialogue of approaches]. Moscow, P. 88-97.
 9. Timofeeva L.N., 2009. Politicheskaya kommunikativistika: problemy stanovleniya [Political communication: the problems of formation]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies]. № 5. P. 41-54.
 10. Held D., 2006. Modeli demokratii [Models of Democracy]. Polity Press.
 11. Shutz A., 1994. Formirovanie ponyatiya i teorii v obshchestvennykh naukakh [Formation of the Concept and Theory in the Social Sciences]. *Amerikanskaya sociologicheskaya mysl': Teksty* [American sociological thought: Texts]. Moscow, P. 480-498.
 12. Craig R.T., 1999. Communication theory as a field. *Communication Theory*. № 9. Vol. 2. P. 119-161.
 13. Fishkin J., Luskin R., 2005. Experimenting with a democratic ideal: deliberative polling and public opinion. *Acta Politica*. Stanford. P. 284-298.
 14. Fishkin J., 2009. Virtual Public Consultation: Prospects for Internet Deliberative Democracy. *Online deliberation. Design, research and practice*. Stanford: CSLI Publications. P. 23-35.
 15. Garfinkel H., 1967. Studies in Ethnomethodology. New Jersey: Prentice-Hall.
 16. Habermas J., 1985. The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Boston, Beacon Press.
 17. Luhmann N., 1994. Politische Planung: Aufsätze zur Soziologie von Politik und Verwaltung [Political planning: Essays on the sociology of politics and administration]. Wiesbaden: Springer Fachmedien.

**ФАКУЛЬТЕТ УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПОДГОТОВКУ
БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ», «ПОЛИТОЛОГИЯ» И «МЕЖ-
ДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ».**

Выпускники факультета получают уникальные знания и профессиональные навыки в области управления, политики и международных отношений. Профильная специализация студентов включает такие аспекты, как право, администрирование, государственная и муниципальная служба, управление имущественными комплексами, сфера публичной политики, регулирование политических конфликтов, лоббизм, связи с государственными органами в корпорациях и мировые политические процессы. Особое внимание и время уделяется изучению студентами двух и более иностранных языков.

Факультет готовит специалистов, востребованных в различных сферах профессиональной деятельности: в органах власти и управления, в государственных корпорациях, на дипломатической и консульской службе, в международных организациях, а также в частных компаниях.

Факультет имеет обширные международные связи, позволяющие студентам проходить стажировки в крупнейших университетах мира. Сложились традиционные партнерские отношения с одним из ведущих университетов Европы, Università degli Studi di Macerata (Италия), с которым реализуются совместные и двойные программы бакалавриата, магистратуры и программа двойной аспирантуры, которая является единственной в своем роде в России.

Программы бакалавриата:

Государственное и муниципальное управление

- Управление федеральной и региональной собственностью
- Цифровое государственное управление
- Экономическая политика
- Федеральное и региональное управление (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Политология

- Технологии публичной политики
- Теория политики
- Политическая конфликтология
- Национальная и региональная политика (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Международные отношения

- Мировая политика

Программы очной магистратуры:

Государственное и муниципальное управление

- Государственное управление устойчивым развитием
- Управление «умными городами»
- Управление в государственных корпорациях
- Digital Public Governance (совместно с Университетом Sapienza, Италия)
- Smart City Management (совместно с Университетом Ёнсе, Республика Корея)
- International Public and Business Administration (совместно с Университетом г. Мачерата, Италия)

Политология

- Международный политический консалтинг
- GR и бизнес-дипломатия
- GR and International Lobbying (совместно с Флорентийским университетом, Италия)
- International Political Consulting (совместно с Университетом Никосии, Республика Кипр)
- Political Consulting and International Relations (совместно с Университетом Пизы, Италия)

Международные отношения

- Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов
- External Relations of Regions (совместно с Университетом Кальяри, Италия)

Телефон для справок:
(495) 229-54-26

Вниманию авторов журнала:

Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения в журнале «Право и управление. XXI век» заключается в устной форме (согласно п. 2 статьи 1286 четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Использование произведения включает в себя также размещение произведения в соответствующих (научных и библиотечных) электронных базах данных.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации
от 29.12.2010 № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке.

Зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-72205 от 24.01.2018 г.

Подписной индекс по каталогу
агентства «Роспечать» - 18310

Адрес издателя:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Адрес редакции:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тел.: (495) 234-83-62
E-mail: mgimo.pravo@mail.ru

Напечатано в Отделе ОП и МТ МГИМО МИД России
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 7,75.
Подписано в печать 25.03.2020 г.
Тираж 1100 экз. 1-ый завод 300 экз. Заказ № 411

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть использованы
в других изданиях только с разрешения редакции,
при этом ссылка на журнал «Право и управление. XXI век»
обязательна